

ISSN: 036-8455

STUDY GROUP ON EIGHTEENTH-CENTURY RUSSIA

NEWSLETTER

No. 37

JULY 2009

Contributions to the *Newsletter* should be addressed to the Editors:

Professor A.G. Cross,
Fitzwilliam College
Storey's Way
Cambridge CB3 0DG
E-mail: agc28@cam.ac.uk

Dr Alessandra Tosi,
Clare Hall
Herschel Road
Cambridge CB3 9AL
E-mail: at10008@cam.ac.uk

Contributions are accepted in English and Russian.

Synopses of papers and book reviews are submitted without footnotes or endnotes; articles with endnotes. Refer to recent numbers of the *Newsletter* for guidance on the preparation of text and notes. Transliteration is in accordance with the modified Library of Congress system. For an Index of past issues please refer to the Newsletter page on our website: <http://www.sgecr.co.uk/newsletter.html>

Enquiries about membership of the Group as well as subscriptions should be sent to the Group's Treasurer:

Professor Patrick O'Meara,
Department of Russian
School of Modern European Languages
University of Durham
Elvet Riverside, New Elvet
Durham DH1 3JT
E-mail: patrick.o'meara@durham.ac.uk

Individual subscriptions: £ 12.50

Institutions: £ 25.00

PLEASE NOTE: These amounts are to be paid in sterling only (cheque or banker's order, made out to Study Group on 18th Century Russia).

With the following exception:

Individual American members may send their subscriptions (\$ 25.00) to:

Professor Thomas Newlin, Department of Russian,

222 Peters Hall, Oberlin College, Oberlin OH44074, USA

N.B.: Dollar cheques to be made out to T. Newlin and not Study Group

Members have also the option to pay direct to our bank:

NatWest, Norwich,

45 London St. NR2 1HX

Bank Sort Code: 60 15 31

Account: Study Group on 18th Century Russia

Number: 087765555

BIC: NWBK GB 2L

IBAN: GB02 NWBK 6015 3108 7765 55

Anyone paying direct should ensure that their name as payee appears on the statement we receive to avoid confusion.

Please remember to check the bank charges imposed before you remit as they can be extremely hefty!

CONTENTS

page

SYNOPSIS of Papers Read at the 50th Meeting of the Study Group

Nikolaos Chrissidis, "Crying Their Hearts Out: An Incident of Public Penance in the Reign of Catherine the Great"	1
Catherine Rai, "Van'ka Kain, Louis-Dominique Cartouche and Jonathan Wild: Matvei Komarov's Life and Adventures of Van'ka Kain and its Western Sources"	8
Angela Byrne, "Why wouldn't they content themselves to dress like Christians?": Fashion and Self-fashioning in Late Eighteenth-Century Russia"	14
Elena Smilyanskaya, "Leaving the Borders of Their Intellectual Home: Russians in the Eastern Mediterranean during the Russo-Turkish War of 1768-1774"	18
Alexei Evstratov, "Russian Drama in French: Sumarokov's <i>Sinav and Truvor</i> and its Translations"	24
Galina Babkova, "'Otkryvaia detstvo': detskaia prestupnost' v Rossii 18v."	34

ARTICLES

Mark Al'tshuller, "Spornye voprosy biografii N. P. Nikoleva"	42
V. I. Simankov, "'O glavnykh prichinakh, otnosiashchikhsia k prirashchemuiu khudozhestvu i nauk': Ob avtorstve stat'i, pripisyvavsheisia N.I. Novikovu, ili tri anonimnykh sochineniia"	54

BOOK REVIEWS

S. A. Kozlov, <i>Putevye zapiski Iu. F. Lisianskogo i I.F. Kruzenshterna 1793-1800: Predystoriia pervogo puteshestviia rossiian vokrug sveta</i> . Sankt-Peterburg: Istoricheskaia illiustratsiia, 2007 (Paul Dukes)	72
--	----

O.G. Ageeva, <i>Imperatorskii dvor Rossii 1700-1796 gody</i> , Moscow: Nauka, 2008 (Simon Dixon)	76
Patrick Gordon's Diary: Recent Conference and Publications (Paul Dukes)	81
'Put' Petra Velikogo' and the Proposed 'Institut Petra Velikogo'	84
Editor's Valedictory (Tony Cross)	88
EDITORS' POSTBAG	92

**SYNOPSIS OF PAPERS READ AT THE 50th MEETING OF THE STUDY GROUP AT
HIGH LEIGH CONFERENCE CENTRE, HODDESDON, ON 5- 7 JANUARY 2009**

**I. NIKOLAOS CHRISSIDIS (Dept. of History, Southern Connecticut State University):
“Crying Their Hearts Out: An Incident of Public Penance in the Reign of Catherine the
Great”**

In 1754 Aleksei Zhukov, *kaptanarmus* of the Life Guards of the Preobrazhenskii Regiment, and his wife Varvara were arrested for having orchestrated the double murders of Zhukov's mother and sister. Specifically, they were accused of convincing servants who worked at their own household and that of Zhukov's mother to perpetrate the killings so that the couple could finally be free of the mother's constant and vocal complaints regarding their marriage. Soon after the crime, the authorities apprehended all conspirators, initiated prosecution procedures and passed judgment on them. Twelve years later, however, final punishment had yet to be meted out. As a result, some of the arrestees had died in prison while others (among them Aleksei and Varvara) were still languishing in custody, their cases apparently having fallen through the cracks of the bureaucratic wheels. Suddenly, in 1766 the Zhukovy case came to the forefront of the judicial scene of Moscow through Catherine II's decision to finally inflict punishment on the convicts. As was her wont, Catherine commuted the death penalty for the couple. She also grasped the opportunity to cultivate her image as a strict but compassionate, law abiding but pious monarch whose Orthodox credentials were equally as impressive as was her upholding of the law. In that sense, Catherine tried to score points on both the judicial and the ecclesiastical fronts. At the same time, she used the occasion to teach the unruly

Muscovites a lesson on law and order. The result was a minutely prescribed and choreographed series of very public penances that Aleksei and Varvara performed in pre-selected churches of Moscow, after which each was banished to monastic exile for twenty years.

The case resurfaced in 1766 at the instigation of Moscow's *Politsmeisterskaia Kantseliariia*, which submitted a report to the Senate asking it to confirm the 1754 death sentences (in accordance with relevant articles from the *Ulozhenie* of 1649 and the Military Statute of 1716) and to proceed with the punishments. Given the capital crimes involved and following the 1744 ukaz (which remanded all death sentence cases to the sovereign) and the 1754 decree (that converted all death sentences to punishment with the knut, branding with special lettering and commitment to the galleys), the Senate submitted a report to Catherine. In it, the senators noted as a mitigating factor the length of time Aleksei and Varvara had spent in prison after being tortured during the investigation. However, given the enormity and premeditated nature of the crime, they recommended applying the 1754 decree. Thus stood things when the case reached Catherine's desk.

From the available documentation, it is not entirely clear whose idea it was to stage the public penance. One thing is for sure: Catherine did not accept the Senate's recommendation. Instead, she proceeded to commute the death sentence to twenty years in monastic exile after which the Zhukovy could become free provided that they showed trustworthy evidence of repentance. But before sending Aleksei to the Solovetskii monastery and Varvara to the Dol'matskii Monastery in Tobolsk, Catherine and her advisors decided to stage a very public ritual of penance, to be performed no less than four times, during which the Zhukovy would express their remorse in front of the population of Moscow for everyone to see. The deliberations on this part of the case involved a number of institutional agencies. For example, Moscow's *Gubernskaia Kantseliariia* confirmed that Zhukov's wife was not pregnant, so that

Catherine could ensure that Varvara would not freeze to death. In addition, Catherine had a committee of three hierarchs of the Russian Orthodox Church look for precedents in which public penance was imposed. Naturally, this committee was made up clerics allied with the empress: Dmitrii, Metropolitan of Novgorod, Innokentii, Bishop of Pskov and Gavril, Bishop of Tver'. It was they who composed an elaborate penitential choreography whose repeated performance was timed in such a way as to maximize the audience and coincide with the Lenten period of fasting, repentance and hope for salvation. The end result was a public penance spectacle that had all the trappings of a carefully scripted and directed theatrical production.

The churches chosen for the ritual were the Dormition Cathedral (in the Kremlin); the Church of Sts. Peter and Paul on Basmannaia; the Church of St. Paraskeva on Piatnitskaia (in *Zamoskvorech'e*); and the Church of St. Nicholas, called *Iavlennyi*, on Arbatskaia (in *Zemlianoi gorod*). The latter two churches were particularly preferred by those seeking remission of sins. The Church of Sts. Peter and Paul on Basmannaia was in the so-called Captains' Settlement, that is, the area of Moscow inhabited mainly by military officers. Penance at these four different geographic locations in the city targeted particular groups within the Muscovite population but also sought to publicize the Zhukovy punishment to the largest number of people possible. The government even authorized the issuance of a popular print (*lubok*) to add to the publicity and enhance the staying power of the penance's message.

The penitential choreography for each occasion resembled a well-staged theatrical play. The police were to guarantee widespread publicity by announcing the time and place of each occasion a day in advance "to the whole city." On the morning of the assigned day, military guards would escort the convicts to the selected church. The Zhukovy were to exhibit a forlorn appearance and be barefoot, dressed in simple, rough robes, with their hair loose, and in chains.

Each was to hold a lit candle and be accompanied by a priest. Once at the assigned church, Catherine's manifesto was to be read and thereafter the convicts had to kneel down and each recite a prayer. Subsequently, the pair was to beg all passersby and church-goers for their prayers and forgiveness. Meanwhile, a deacon was supposed to read a supplicatory prayer to God to accept the Zhukovy penance. Both prayers and the entreaty had been composed by the ritual's compilers and were supplied in advance.

More public edification was to follow. At a particular moment during the religious service, an ambo was to be erected just inside the church doors. A skilled clerical orator was to present a sermon (also provided in advance) explaining the occasion and ensuring that the audience received the appropriate message. At the service's end, the Zhukovy were to kneel and beg for forgiveness once more. The compilers allowed for no alteration to the constituent parts of the ritual: it was to be followed exactly on all four occasions. The staging of these performances was scheduled for two Sundays (the fourth and fifth of Great Lent), the Thursday of week five of Lent (that is, the day of the Great Canon of St. Andrew of Crete) and for Lazarus Saturday. Timing them during Lent sought to highlight the penitential aspects of the whole affair, and to emphasize the themes of mercy and salvation given that Holy Week was to follow. Thus, the passion and resurrection of Christ could be a beacon of hope for the Zhukovy.

In fact, salvation, justice (*pravosudie*), and mercy were the major themes of the sermon. Defining the crime as one against both God and the church, the sermon emphasized the enormity of matricide. At the same time, it presented God as an objective judge and a merciful father. Thus, provided that they sincerely and truly repented, the exiled Zhukovy could gain redemption. The church for its part could guarantee that their repentance would be noted, provided that it was authentic. The temporal punishment of penance and exile thus served as a

tool through which they could avoid eternal punishment in hell. As for the larger audience, they could learn from this occasion to fear God and avoid sin, but also they could hope for God's mercy, provided that they sincerely tried not to repeat past sins. The occasion could thus provide "instruction" (*nastavlenie*) for everyone, not just the convicts. The sermon also presented the applied punishment as a confirmation of ancient church customs and rules thanks to the intervention of Catherine the Great. It was she who upheld these rules and it was through her that the sword of divine justice did not fall upon those who deservedly merited it. The sermon ended with entreaties to convicts and audience to pray, so that the opportunity offered the Zhukovy by the church and by the pious monarch would bear the fruits of salvation. Both the Zhukovy prayers and the deacon's supplicatory prayer reverberated with much the same themes.

In the manifesto of March 24, 1766 announcing the final resolution of the case, Catherine professed particular concern for the salvation of Aleksei's and Varvara's souls. She also claimed that their case posed a dilemma for her: what kind of punishment could in fact satisfy both divine and state law? In good cameralist mode, Catherine presented herself as both spiritual and secular ruler whose job it was to maintain justice according to the monarch's law and to care for the moral and spiritual welfare of her people. State law called for the death penalty. But Christian mercy advised her otherwise, hence followed the commutation of the death penalty to penance and exile for the couple. Incidentally, Catherine apparently worried much less about the souls of the servant accomplices given that they were branded on the face, had their nostrils slit and sent to hard labor.

Per the published sources, the final resolution of the Zhukovy case appears unique in Catherine's reign given that a special ritual of public ecclesiastical penance was prepared and performed before banishment to monastic confinement was imposed. This of course begs the

question of what Catherine was trying to accomplish by staging such elaborate penitential performances.

To be sure, there was a lot of grand standing on the empress's part. In the manifesto, she claimed to be horrified by matricide, and we have no reason to doubt her sincerity on this. And given that punishment had not been meted out for a long time, the empress needed to show that the law came down harshly upon those guilty. Thus, in finally closing the case in such a way, Catherine targeted the street theater concocted for the Zhukovy at many audiences. Military personnel, and in particular, the Preobrazhenskii Regiment constituted one such audience. Penance and exile helped her avoid problems that might arise were she to punish harshly even a low ranking officer of the regiment that had supported her bid for the throne. To a certain extent, Catherine may have been mindful of Muscovite public opinion as well given that a final verdict had not been pronounced on the case for a long time. It is likelier, however, that her attitude towards Moscow influenced her decision more. She loathed the old Russian capital and considered it a place of prejudice, fanaticism, indolence, and barbarity. The manifesto and the sermon presented the murders as an affront to order and to law, both divine and natural. Thus, the murders may have reflected in Catherine's eyes the general disorder and lawlessness of Moscow. The revolving penances and the attendant orchestrated publicity could teach the unruly Muscovites a lesson.

Another audience Catherine targeted was the church. It's true that she was in a position of strength over the church at the time, but still there were some open fronts. The secularization of monastic lands was still recent and the Matseevich affair had not been fully resolved by 1766. And she chose major supporters of hers among the higher clergy to staff the committee that compiled the ritual. The Zhukovy case provided her with a forum at which to appear as the

merciful monarch who adheres to church rules and cares for both the material and the spiritual well being of her subjects.

The Zhukovy penance also has elements of what Foucault called the juridico-political nature of the spectacle of public torture and execution in eighteenth-century France. Through the staging of penance, the injured law of the monarch was reaffirmed and order restored. But unlike the ambiguity of salvation that informed French public executions by torture, Alexei and Varvara's redemption is uncertain but depends a lot on their future conduct. Redemption figures as an option because monarch and church choose to offer it. And it is redemption based on class (the Zhukovy were petty gentry), given that their servant accomplices were not afforded a similar opportunity. Eventually, the penance spectacle was a political operation through and through. It presented Catherine as a stern and strict wielder of the sword of secular justice, but also as a merciful monarch who could have an impact as to when and how the sword of divine justice fell.

II. CATHERINE RAI (Paris): "Van'ka Kain, Louis-Dominique Cartouche and Jonathan Wild: Matvei Komarov's Life and Adventures of Van'ka Kain and its Western Sources"

Matvei Komarov's *Obstoiatel'noe i vernoe opisanie dobrykh i zlykh del rossiiskago moshennika, vora, razboinika i byvshago moskovskago syshchika Van'ki Kaina, vsei ego zhizni i strannykh poxozhdenii* (1779) has traditionally been presented as one of the first "truly" Russian novels. Yet most of its eighteenth-century editions comprised a translation of a 1722 French chapbook, *Histoire de la vie et du procès de Louis-Dominique Cartouche*. In *Schelmenroman in Russland* (1961), Ju. Striedter showed that it also shared a few common features with Fielding's *Jonathan Wild*, translated into Russian in 1772-1773, but did not, however posit the existence of a kinship between the two texts. Russia's book market being still undeveloped in the 1770s, it seems unlikely that the appearance of two foreign novels about famous Western bandits, on the one hand, and about an authentic Russian thief, on the other, within a few years of each other, was a mere coincidence. The possibility of real influence is suggested by two additional facts: 1) Komarov's novel was the third attempt to produce a commercially successful story about Kain; 2) Komarov himself, was more of a compiler than of a novelist, even by eighteenth-century Russian standards. The paper's purpose is to look more closely at the grounds for comparing Komarov's novel to the two Western sources it has been ascribed.

Cartouche and Kain, as historical figures, both enjoyed extraordinary fame, not only in their lifetime, but also long afterwards. While they were active, both were deemed to be connected with every major crime that was committed. At the height of their glory, they both

looked invincible. When finally caught, both had long and highly publicized trials, during which both betrayed all their accomplices.

German translations of Cartouche's biographies appeared as early as 1722. Reaching Russia proved more complicated: the first Russian translation, by one Captain Neelov, was published in 1771. It was completed not directly from the French, but from a German version, the identification of which has caused much speculation. According to the *Svodnyi katalog*, Neelov based his translation on *Leben und Thaten des Welt-berüchtigten Spitzbuben Louis Dominique Cartouche und seiner Cammeraden, Sammt Deren gantzen Proceß, End-Urtheil und Execution: Nach dem wahren Pariser Exemplar übersetzt*, Hamburg, 1722.

In my view, a more likely candidate is the version entitled: *Wahrhafte Lebensbeschreibung des französischen Erzspißbubens Cartouche und seiner Kameraden hergenommen aus den Procesakten und andern besondern Nachrichten* – a title which exactly corresponds to the Russian. Published in 1757 in Copenhagen, it has 96 pages, which is roughly the same length as Neelov's work. There are also a number of textological arguments. Neelov's version of the author's preface is a very faithful translation of the author's preface in the Copenhagen edition. Two long passages in Neelov's text, which simply do not exist in the French original, were added by the unknown author of *Wahrhafte Lebensbeschreibung....* Generally speaking, the latter is the source of many a discrepancy between Neelov's version and the French narrative. Omissions and mistranslations alone make up a total of 228.

Neelov's translation is not the one which Komarov added to his story of Van'ka Kain. A comparison of the two Russian texts reveals 498 diverging elements. It is unclear whether Komarov edited Neelov's version or whether he reprinted another existing translation.

As Ju. Striedter pointed out, the similarities between Komarov's biography of Kain and the "Histoire de Cartouche" pertain to form rather than to content. Both pursue the same

literary aims: a) featuring the historical character of the outlaw as a celebrated chief of a gang of highwaymen, b) catering to the readers' eagerness for sensation with the account of his feats, as well as, c) fuelling their joy over every successfully performed deceit or swindle and d) satisfying their curiosity with various historical or geographical details. At the same time, the criminal's career is designed to provide a moral lesson: it shows that, however greatly gifted someone may be, if a faulty education has turned him into an evil-doer, he will come to an infamous end. And both books are organised as a succession of short adventures viewed from the outside by a narrator who never fails to comment and moralize on them.

According to Ju. Striedter, Komarov retained only the general outline of the French booklet. This conclusion requires a slight qualification. Twice in his criminal career Cartouche had the same occupations as Kain. First, he served as a spy for the Police Lieutenant-General in Paris. Then he earned his living as a purveyor of false recruits, a line of business also not unknown to Kain, although he never engaged in it himself and did no more than arrest those who did or help their victims.

The link between Cartouche and Van'ka Kain was established before Komarov. The narrative known as the Autobiography of Van'ka Kain (1777) called Kain the Russian Cartouche: *Zhizn' i pokhozhdeniia rossiiskago Kartusha, imenuemago Kaina....* This Autobiography was one of Komarov's sources. He followed its pattern faithfully, kept all its episodes and left them in the same order, adding only a few digressions, explanations and occasional comments. Well into the 19th Century Russian readers identified a book not with its author but with its main character. Komarov was therefore hardly likely to abandon the parallel with Cartouche if he wanted to sell his book.

Jonathan Wild's criminal organisation bears a striking resemblance to the one described by Komarov. This is all the more interesting as neither the Autobiography nor the so-called Short Tale on Van'ka Kain (*Kratkaia povest'* 1775) give any details at all on Kain's system.

Ju. Striedter's comparison between Komarov's Kain and Fielding's Jonathan Wild is based on two arguments: 1) both are biographies of non-fictional rogues; 2) Komarov's characterizing his hero as 'slavnoi' is reminiscent of a central compositionnal element of Fielding's work: his claim to illustrate Mr. Wild's "greatness". Komarov, however, did not so much as hint at a kinship. Even if he did read *Jonathan Wild*, it seems unlikely that he ever paid attention to Fielding's warning that "Roguery and not a rogue, is my subject" or took Fielding's famous words about "greatness" otherwise than at their face value. This difference in perspective made Ju. Striedter dismiss the connection. And yet, here too, it seems that a few qualifications could be put forward.

Komarov followed some of the prescriptions of what could be termed the novel "à la Fielding": a plot entirely dominated by the narrator, barely individualized characters viewed principally from outside, a preference for rapid successions of short scenes and a constantly intervening author's figure whose remarks appear as so many counterpoints to the unwinding of the plot focused upon demonstrating his own cleverness. Thus he addressed his readers directly no less than five times in the very core of his narrative, which echoes chapter XIV in book I of Fielding's novel, where the latter, having called upon his reader three times in less than two pages, came back to him again on closing his chapter and book.

Komarov has been much criticized for his verbose, polemical footnotes in which he dwelled on the poor quality of his sources. Fielding, too, was not averse to the occasional explanatory note on the appalling literacy of the anonymous source from which he allegedly received the record of the famous dialogue between Wild and the ordinary of Newgate (Book

IV, Chapter XIII). And he indulged in explanations on his rogues' speech much in the same way as Komarov later did. Komarov shared with Fielding a preference for brief episodes rapidly succeeding each other: the second part of his book in which he narrated Kain's adventures as police informant, is divided into short numbered chapters, each devoted to a single adventure.

Another common feature is that both heroes write and the reader is shown the result of their efforts. In Kain's case, this goes no further than the note pinned on his master's gate on running away (§13). The content of this note was appropriated from the Autobiography by Komarov, who did, however, take the trouble to regularize the meter of the second line. Wild's achievements as a letter writer are well-known (Book III, Chapter VII).

There are also similarities in content between the two stories. One of the cases "solved" by Kain as a representative of the police involves stolen bills of exchange (Komarov, Chapter 29 to be compared with Book II, Chapter V, in *Jonathan Wild*). In another, Kain returns stolen goods to their owner in exchange for a reward (same chapter in Komarov, see *Jonathan Wild*, Book III, Chapter VI). Both heroes have their men give false evidence in court. Skorobogatov's perjury allows Kain to have a woman that he loves jailed; once she is behind bars, he talks her into marrying him so that she can be released. Wild, too, falls passionately in love with a woman, the very faithful wife of his favourite victim, Heartfree. Instead of having her arrested, he uses perjury to get rid of her husband; then persuades Mrs Heartfree to sail with him to Holland under the pretense of raising enough money to free her husband from the debt-pit (Book II, Chapters IV to X). Kain is eventually arrested because of a crime against a woman (Komarov, § 112). Wild's fall too is caused by a crime against a woman, except that the victim was the same Mrs Heartfree and the crime - attempted murder (Book III, Chapter IX).

Komarov's direct source for these episodes is most probably the Autobiography. But the Russian translation of *Jonathan Wild* was published in 1772-3, and therefore could have served as the primary source for the Autobiography and, thus, indirectly influenced Komarov.

The one thing that can be said with confidence is that in the eyes of the eighteenth-century reader Kain was associated with Cartouche. Whether that same reader associated Kain with Jonathan Wild, is much more a matter of conjecture because we still cannot assess to what extent the name of Jonathan Wild was known to the Russian public of the 1770s.

Both Wild and Cartouche plunged into oblivion forever as soon as the turn of the century. Kain, in contrast, soon came back to the front of the literary scene to play an entirely different role, that of a popular and very Russian hero who no longer was identified with foreign rogues but with very familiar national figures of bandits: Razin, Pugachev, Ermak Timofeich, and later, other celebrated robbers of the 19th century.

Ironically, what Komarov and his predecessors had aimed at was only achieved in the nineteenth century. This, in turn, illustrates that Russian popular culture has very literary roots, which are not necessarily Russian: it took some fifty years before figures of bandits like Van'ka Kain became a convincing type of Russian hero.

III. ANGELA BYRNE (Ireland): “Why wouldn’t they content themselves to dress like Christians?”: Fashion and Self-fashioning in Late Eighteenth-Century Russia’

By the late eighteenth century, European fashion and dress metamorphosed from displays of wealth and status set out in medieval sumptuary laws, to the public display of virtue (or lack thereof). Extravagant dressing came to be viewed as distasteful; modesty became the order of the day among the Western upper-classes. Even though the connection between fashion and morality did not gain currency among Russian nobles until the 1820s, the same standards were brought to bear on them by Western observers.

‘Why wouldn’t they content themselves to dress like Christians?’, the Irish lady’s maid Eleanor Cavanagh wrote of ‘the country women [...] with their blue and yellow and green cloth petticoats bound with gold, and bouncing bobs of earrings in their ears and shift sleeves like men’s shirt sleeves!’ (Royal Irish Academy, Dublin (henceforth RIA), MS 12L30, pp 22–3). This maid’s introduction into the wider world was rather a baptism of fire as she crossed the continent with her Anglo-Irish mistress, Katherine Wilmot, in 1805. Everything in Russia was new to this woman who had never left Ireland before, but one of the things that struck her most was the way people were dressed. The letters and diaries composed by Martha and Katherine Wilmot and Eleanor Cavanagh as guests of Princess E.R. Dashkova in 1803–08, illustrate the degree to which fashion and dress were vital aspects of these travellers’ ‘Russian experience’, as they contain detailed descriptions of the manner of dress of all members of Russian society. Indeed, these manners of dress made such an impression on Martha Wilmot that she made sketches in her diary depicting a merchant man and woman, a maiden in traditional costume and a beggar (RIA, MS 12L20, pp i–iv).

While I am cautious about treating the matter too much in terms of 'black and white', there is little to occupy the grey area when it comes to the huge differences in dress between urban nobles, and merchants and peasants. The Wilmots were impressed with the traditional dress of the merchants and peasantry, but the pervasiveness of Western dress among the upper classes merited lengthy diatribes from travellers disappointed to travel so far and at such expense only to enter into a society whose appearance was very similar to that at home. People expected to be confronted with the unfamiliar, exotic and 'Oriental'; instead, they were greeted on the quays of St Petersburg with French and English-style gowns and liveries. They desperately sought the 'different' and 'other', and grasped hold of merchant's rouge and pearls.

Despite the fact that late century urban noble dress was almost wholly under the influence of French and English fashion, noble Russians did add some of their own flair to the imported fabrics and dresses they donned. However, despite wishing for new sights and exotic dress, any 'Russification' of appropriated Western fashions did not impress these travellers. Glittering jewels, massy powdered wigs and heavy make-up altered the Classically-influenced, simpler style of Western dress in vogue at the time; yet these travellers saw only a poorly-executed version of that to which they were accustomed. Travellers' accounts place innumerable diamonds, pearls, and other precious stones of inordinate size on noble women and men at every occasion of note. These indiscriminate displays of jewels, gold and silver were considered distasteful and inelegant. Martha Wilmot considered them 'gaudy trappings' (RIA, MS 12L22, p. 37), and 'often more like a jeweller's shop, than any adornments selected by good taste' (RIA, MS 12L24, p. 80).

Merchant dress was the antithesis of all contemporary Western fashion philosophy, so why was it so revered by the Wilmot sisters? However distasteful they considered overt displays of wealth, they admired the highly decorative and lavish dress of merchants as

'traditional' Russian culture standing in opposition to the levelling tide of Westernisation. Their brightly-coloured clothing, their preference for luxurious materials such as brocade and velvet, the masses of jewels they wore (particularly pearls) and the outlandish appearance of their headdresses made them these travellers favoured subjects. Martha Wilmot's first impression of merchant dress was indeed a lasting one, and led her to declare the merchant woman 'dressed in the true taste of her country' and her husband 'equally attached with his fair one to the customs of the past ages' (RIA, MS 12L17, pp 83–5). By the end of her five-year stay in Russia, she had come to consider them (along with the peasantry) the last remaining protectors of Russian traditional culture, and feared that their wonderful costume would disappear with the next generation as Russian society and culture appeared to become increasingly Westernised. At Kaluga, she concluded that their 'wonderful costume [...] will not long hold out against the changing propensity of the present age [...] Russia will lose (to the eyes of strangers at least), one of the most attractive of her possessions, for the riches and the singularity of the merchants distinct existence is, I believe, peculiar to Russia' (RIA, MS 12L22, pp 70–72).

Although Martha Wilmot continued to be overwhelmed with wonder and excitement every time she encountered these merchants, her sister Katherine understood quite well the cause of her own fascination with them. After one winter day's excursion in Moscow, she wrote: 'this was the first time I really felt myself in Russia! All the merchants and merchants wives in their costumes [...] their long beards, fur caps, and long coats tied with a silk sash (resembling an Indian shawl) have a much more original and noble preternatural an appearance than all the excellencies of the country put together' (RIA, MS 12M18, unpaginated). Having travelled from one side of Europe to the other, she was finally gratified with a glimpse of the exotic and Oriental. While the nobility's excessive displays of wealth were subject to heavy

criticism, the excesses of the merchants were made acceptable by their sheer difference, their Oriental and exotic appearance serving to satisfy travellers' desires and expectations. As the Russian elite emulated Western European fashion and mores, so too were they judged by travellers' Western standards; the merchants' rejection of Western lifestyle and their position as the last bastions of traditional culture in Russia rendered them immune to the same accusations of over-dressing, over-use of rouge and indiscriminate taste.

Although most Russian nobles affected Western dress in attempts to appear educated, respectable and wealthy Europeans (a process begun in law by Peter I), some Russian noblewomen also chose to look to (or remain in) the east for inspiration, donning turbans. Some added their own flair to imported costumes, managing to incorporate aspects of traditional Russian dress, such as shawls, into their French and English dresses. Whether these Russian women were trying to be different or were merely following yet another Western trend (turbans began to appear on Western promenades from the mid-1770s), remains to be seen. What is certain is that these examples of rejection of Western fashion were not considered original or positive by Western travellers, but were rather seized upon as further proof of the complete lack of taste among the Russian elite; here a complex duality is revealed. The turban, that classically Oriental piece of clothing, was seized upon by travellers as a signal that no matter how many French fashion magazines were imported by upper class Russians, their inclination was still to the east, they were still not completely Westernised – despite the fact that turbans were in fashion in the West too. What distinguished the lower classes and merchants as oriental, uniquely Russian, and untouched by emerging capitalism and cultural uniformity, did not translate up to the elite; it merely served to confirm their lack of originality and taste in these travellers' eyes.

Peter I used sumptuary law as a tool of modernisation, while other European states used it to maintain the status quo. Understanding the very different purposes and meanings of dress helps in understanding what elite Russians intended by their clothing, and how travellers interpreted that. Upper-class Russians operated within a highly representational society, in which the number of serfs at one's disposal and the amount of roubles spent on clothing and jewellery were important symbols of power and status. Self-fashioning as Westerners was part of the noble Russian effort to appear not only powerful and wealthy, but also as cultured and educated. However, only forms of dress which appeared to maintain a disappearing way of life, impressed travellers – not those that made its disappearance seem all the more inevitable.

IV. ELENA SMILYANSKAYA (Russian State University for Humanities (RGGU), Moscow): “Leaving the Borders of Their Intellectual Home: Russians in the Eastern Mediterranean during the Russo-Turkish War of 1768-1774”

Russia's presence in the Eastern Mediterranean began with the Archipelago Expedition during the Russo-Turkish War of 1768-74, specifically the activity of the Russian fleet under Count Aleksii Grigor'evich Orlov.

From the beginning, the expedition attracted attention across Europe. In Russian propaganda it was presented as an attempt to liberate suppressed co-religionists, as a confrontation between Muslim and Christian worlds, and as a cultural mission to the cradle of

antique civilisation that had been trampled by barbarians. Western-European writers, of course, saw less high-minded goals in the Russian incursion.

Discussion of the true goals, objectives, and consequences of this expedition continue to this day. The First Russian Archipelago Expedition still poses questions about both the political and cultural context of this enterprise. Among these questions: what was the image of the Eastern Mediterranean in eighteenth-century Europe? Was there a difference between Western-European and Russian perceptions of this region? Did Russians really intend to liberate Greeks from the Turkish yoke and, if so, how did they hope to do so? In the end, was the Russian plan in the Eastern Mediterranean 'a castle in the air' or a strategic diversion to other international plans. How did the plan affect later developments?

During the Enlightenment, the Eastern Mediterranean represented both the birth of civilisation and its defeat by the barbarians. Western Europeans often blamed not only the Turks, but also Byzantine Orthodoxy and the Great Schism of 1054 for the degradation of antique culture. In their search for ancient ideals, western travellers often desired an almost mythical place, glossing over or not noticing ancient Christian monuments and links to contemporary life. Even when reality intruded—through the need for organised trade or political relations—literary stereotypes still influenced everyone from adventurers to military engineers. All of these men described the region as "the Land of the Iliad" or the "Land of Odysseus".

Eighteenth-century Enlightenment Russians (including the empress!) did not avoid the ancient roots of Greece, but added an appreciation of the region as a holy land, imbued with over a millennium of Christian history. In fact, Greece's "pagan" past was sometimes overshadowed by its connections with Orthodox sacred places, highly respected saints and

monasteries—Mount Athos and Patmos were important stops in a pilgrimage to Jerusalem from Rus'/ Russia.

Russians understood that their insertion into the Eastern Mediterranean, long anticipated, would be seen by Greeks and Balkan Slavs as aid to co-religionists. Preliminary information received from the Balkan region assured Catherine II and Orlov that the Greeks were ready to take arms against the Turks (and in spring 1770, the Russians, Balkan Slavs, and Greeks began their actions together in Morea). Influenced, however, by their enthusiasm for the classical world, both the sponsors and the members of the expedition began to imagine Greeks, whom they were going to liberate, as antique heroes. Catherine II called the inhabitants of Morea/Peloponnesis "Spartans," albeit ones holding an Orthodox cross in their hands. It was a picturesque image, but one surely to be disabused. After first failures in Morea, many illusions about Orthodox unity dissipated: Russians started to blame Greeks for their incapability to fight in a regular army against their enemies. For their part, Greeks accused Russians for not giving enough support and provoking an inevitable disaster. In fact, disagreements about the role of Russians in the tragedy for the Greek population in Morea still influences Russian and Western—mostly Greek—interpretations of the First Archipelago Expedition. (In support of a Russian interpretation, one might note that Catherine at first didn't claim to send a fleet to liberate Greeks, but rather to give both Russians and Greeks the possibility of a help for "each side" to gain "what is worthy" for itself.)

Yet, if not the liberation of Greece, what was the aim of the Russian expedition? There can be no doubt: the Russian fleet came to the Eastern Mediterranean to gain a strategic position to the rear of Turkish forces. From the very beginning, all other intentions—to free Constantinople, to take territories, and to liberate Greeks—were only 'castles in the air', no more than a theme in correspondence with Voltaire and a game played for public opinion. In

fact, Russian forces in the Mediterranean were rather weak, poorly equipped, unskilled, and the great victory of Chesme (June 24-25, 1770) was practically miraculous. This victory, however, helped to realise many of former dreams ('Spanish castles' in Catherine's words): to blockade the capital of the Porte, to become masters of maritime transportation in the Levant, and even to declare twenty islands in Aegean sea as a 'Russian archipelago principality'.

Nevertheless, Russia was not yet prepared for its new geo-political position, and the political and economic consequences of its Mediterranean presence are still not completely clear. Russian trade was too weak to be developed in Mediterranean. Worse, Russia had no real strategy for state building in her Archipelago possessions. (Nikita Panin proposed to build 'something like Dutch sates' in Greece, but Catherine II never took it into serious consideration.) In the end, Russian administration of the islands was not significantly different from Turkish rule.

Rather than geopolitics, the most important consequence of the First Archipelago Expedition may have been the development of more cultural exchange. The Russian fleet seriously influenced life near its two main military bases in Mediterranean, Russian crews spent months on the isle of Paros in Archipelago and in Livorno or Pisa in Tuscany. Russian crews also lived on Malta and Minorca, they organised a system of permanent transportation between St. Petersburg and Mediterranean, and used various European ports to repair their ships. The Russian presence was accompanied by luxurious festivities and celebrations, and Russian officers became desirable guests in Italian aristocratic society.

Most importantly, expedition members had the rare experience of leaving the borders of their intellectual home. These men had the opportunity to compare the mythological with the real and to place themselves within the great flow of Mediterranean civilisation. Russian officers (to some degree prepared by the first Russian translations of classical literature)

developed an interest in antiquity that surpassed their desire to appreciate Orthodox culture. Russian and foreign members of the expedition admired the 'marvellous', 'charming' sites of Ancient Greek civilization, and even excavated the 'tomb of Homer' on the 'Russian' isle of Ios. The European press enthusiastically published reports about this work in 1772.

Besides the military operations on the islands, there was also vast cartographic work, exploration for minerals, descriptions of the economic conditions of their acquired lands, and the creation of plans for the islands' reconstruction. For example, in 1771, Leonardo Depash Krenenskii created a description of the island of Milos, and offered to build a new city and to relocate people to live there!

Also as a result of the Expedition, literate society throughout the Russian empire began to devour new books on ancient Greek and Mediterranean culture, new maps, new antique artifacts, and Russian- and foreign-press accounts of the Eastern Mediterranean.

Thus, the Eastern Mediterranean ceased to be the only centre of attraction for pilgrimage to Orthodox antiquity and the land of the Iliad and the Odyssey. This in turn changed cartographic lines into reality—the land was full of real people. So with the Greeks, as it was with the Turks and Arabs, it was necessary to create a real, pragmatic relationship. In fact, four years of being the rulers of the Archipelago justified the importance of more-or-less amiable relations in Levant.

After the end of the war in 1775, the Russian fleet left Archipelago and the history of its Russian principality ended. However, Catherine's administration used various tools (sermons, celebrations, monumental propaganda, etc.) to shape the historical memory of the expedition, and spent a lot of energy and gold on the great victory celebration of 1775. By this juncture, the historical myth was complete—the expedition was purportedly organised only to 'help co-religious Greeks and Slavs', and that Russian empress in this way had realised the

plan of Peter I. The most successful proclamation of these ideas came, interestingly enough, from the famous Metropolitan Platon (Levshin).

To support this theme, Catherine the Great herself planned to erect a number of monuments to commemorate the Russian presence in Archipelago. In fact, she continued to play her games with the Aegean islands even after she had to have known that that the Mediterranean possessions had become too expensive a plaything.

It seemed that many of the illusions should have been dashed—the Greeks were far from being “Spartans holding Orthodox Crosses,” and their liberation appeared to be far off. Even more illusory was the taking of Constantinople. However, in St Petersburg the discourse continued. Catherine’s “Greek Project” of 1782 and the preparations for a new squadron in 1786 showed that the First Archipelago Expedition retained her great fame.

For Europeans, the appearance of a Russian fleet in the Mediterranean created a new geo-political reality, a change in the perceived balance of power. This also had social and cultural implications. It is no accident that authors of a contemporary study on the perception of Greece (Olga Augustinos, David Roessel and others) date the birth of European *philhellenism* – the vision of a reborn and liberated Greece – precisely with the arrival of the Russian fleet and a Greek uprising in Morea in 1770.

V. ALEXEĬ EVSTRATOV (University of Paris-Sorbonne, France) **Russian Drama in French: Sumarokov's *Sinav and Truvor* and its Translations.**

The reception of European literature in Russia and the pro-Russian stance of European writers are traditional subjects in literary history and the study of cultural transfer. Early translations of Russian literary works in European languages appeared in historiography as *cosa rara*, the effect of the efforts of a few enthusiasts (like Gottsched, for instance). But these translations were, in fact, at the center of the Russian monarchy's cultural project, which was closely related to the Russian Empire's political interests. Because of this connection an important work could be published abroad in translation before the Russian edition (e.g. the first editions of Kantemir's *Satires*: 1749 – in French, 1752 – in German, 1762 – in Russian; another example – the first editions of *Semira* by Sumarokov: 1762 – in German, 1768 – in Russian, etc.). The position of these translations – between two or more linguistic areas – makes them an interesting subject to study. Yet, this aspect of cultural interaction within the eighteenth-century Republic of Letters has not been studied in any comprehensive way. This paper explores the case of Alexandr Sumarokov's *Sinav and Truvor*, one of the most important Russian tragedies of the eighteenth century from the point of view of staging history and criticism. The study seeks to reconstruct the history of the tragedy's translations and to give an idea of the translations' pragmatics.

1. My interest in the subject arose from the study of a manuscript that I “rediscovered” in the French National Library (BNF). This is a French translation of Sumarokov's tragedy *Sinav and Truvor*, which has escaped scholars' attention, though it is listed in Horn-Morval's bibliography of French translations and adaptations of foreign dramas. From the point of view

of form, the text is unique in the history of Russian literature in translation because this is the first French verse translation of a Russian dramatic text.

1.1. The Russian version of the tragedy was first performed in July 1750. The original edition was published in 1751, as well as the first French translation *in prose* by Aleksandr Dolgoruky (Sinave & Trovore, tragédie. St. Petersburg: Dans l'Académie Impériale des Sciences, 1751). The translator was probably Prince Aleksandr Sergeevich Dolgoruky, the son of Sergej Petrovich Dolgoruky, a state official, and Irina Petrovna Dolgoruky. Aleksandr was born in 1722, and went to Paris to study in 1742. He was perfectly fluent in both Russian and French, which explains the accuracy of the translation, and its closeness to the Russian text. See, for instance, Gostomysl's lines from the opening scene (I, 1):

Пришло желанное, Ильмена, мною время,
Соединить тобой мое с цесарским племя.
Весь град сего часа нетерпеливно ждет,
В который кровь моя в порфире процветет.
Уж к браку олтари цветами украшенны,
И брачныя свечи в светильники вонзенны:
Готовься, дочь моя, готовься внити в храм.

Cf.:

Le jour que j'avois tant désiré, Ilmène, est enfin venu, d'unir par vous ma Famille à celle de l'Empereur. Toute la ville attend avec impatience cette heure où la Pourpre doit donner un nouvel éclat à mon sang ; déjà les autels sont ornés de fleurs pour la Pompe nuptiale, & les flambeaux de l'himen sont prêts à s'allumer ; préparés, vous ma Fille, préparés vous, à aller au Temple (p. 5).

In March 1751, sending a copy of the work to Thomas Birch Daniel Dumaresq, the chaplain of the English Factory at St Petersburg wrote that this novelty was meant to please the Austrian envoy, thus suggesting that the play was in some way relevant to the political situation at that time.

1.2. This translation made the tragedy accessible to the European reader. In 1753 Johann Cristoph Gottsched, a German writer and professor, published a review of Dolgoruky's translation of *Sinav and Truvor* in his magazine *Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit* (1753. Bd. 3. S. 684-691). The article gave a summary of the play with a few lines in German translation (see articles of Gukovskij and Graßhoff). Gottsched admired Sumarokov's treatment of national history, and finished the piece by urging German writers to imitate the Russian poet.

Some two years later, in April 1755, the Parisian *Journal étranger* published a long and complimentary review of Sumarokov's play, setting out the subject of the tragedy and quoting its most remarkable scenes. The quotations were, obviously, based on the Dolgoruky translation, but the author slightly changed the text, for instance, in the opening scene:

Le jour que j'avois tant désiré, Ilmene, est enfin venu ; jour heureux, qui par vous doit unir ma famille à celle de nos Maîtres. Toute la Ville attend avec impatience ce moment, où la pourpre va donner à mon sang un nouvel éclat. Déjà les Autels sont ornés de fleurs, les flambeaux de l'hymen s'allument. Préparez-vous ma fille, préparez-vous à me suivre au Temple (p. 115-116).

The anonymous critic also set some themes from the tragedy into the context of the century's political discourse. He commented, for instance, on the dialogue between Sinav and Truvor in the first scene of the second act:

Le jeune Prince [Truvor] continue d'entasser ici sentences sur sentences. On ne peut que sçavoir gré a l'Auteur d'avoir saisi cette occasion, pour déclamer contre l'injustice et la cruauté; vice odieux, trop souvent reprochés aux Gouvernemens despotiques; vice dont sa nation s'est vûe plus d'une fois la victime, mais dont les Peuples n'étoient pas autrefois plus exempts que les Princes & leurs Ministres : & s'ils ont terni quelquefois le caractère du Réformateur même de la Russie, il faut avouer que souvent il en trouva l'excuse dans le génie de la Nation. Ainsi M. Soumarokoff ne peut trop s'élever contre les défauts si long-tems communs aux Souverains & aux Sujets. Prêcher à la Russie la justice & l'humanité, c'est seconder l'exemple auguste, qu'elle reçoit aujourd'hui de la Princesse qui la gouverne. C'est donc l'Auteur lui-même qu'il faut écouter ici, & non pas le Prince Trouvore (p. 130).

Thus, according to the *Journal étranger*, this dramatic soliloquy was used to defend and legitimize Elisabeth's reign. In the final passage of the article the author explains that he does not know whether or not the play has any historical basis, but concludes that the tragedy was tremendously successful in Russia, and would be as successful on any foreign stage, which are sufficient reasons why the poet's motherland should be proud of the work: "C'est un monument des progrès, que les Arts, introduits par Pierre le Grand, ont faits en Russie sous la protection de son Auguste Fille" (p. 156). There are clear echoes here of the official rhetoric glorifying the Russian monarchy commonly used in pro-Russian writings of the time like Voltaire's *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* (1759-1763) and others.

One of Gottsched's disciples, Christian Gottlieb Köllner, translated the summary of the play that had been published in the *Journal étranger* for the collection *Sammlung einiger ausgesuchter Stücke der Gesellschaft der freien Künste zu Leipzig* (1755. 2 Jg. S. 81-149). (Soon after, in 1757, Köllner received a position in Moscow University). In 1758, an extract from the French article translated by Grigorij Kozickij was published in the Russian periodical *Ežemesáčne sočineniâ* (T. 2. Dec. P. 507-539).

1.3. The verse translation found in the BNF is accurate and correct:

Cet instant ou mon cœur a long tems aspiré
Cet instant qu'en secret j'avois tant désiré
Cet instant est venu d'unir par vous, ma fille,
Au sang de l'Empereur celui de ma famille.
La Porpre qui distingue Ilmene, un si haut rang
Donne un nouvel éclat a l'eclat de mon sang.
Quand Novogrod l'attend avec impatience
Pouvez vous temoigner autant d'indifference?
De vos tristes regards que dois-je presumer?
Les flambeaux de l'hymen sont prêts a s'allumer;
Les autels sont parés; la pompe nuptiale
Brille déjà des pleurs qu'a nos yeux elle étale
Préparés vous, ma fille, au temple on vous attend (*BNF. Coll. Rondelle. M.RE 249, p. 1*).

The translation is evidently quite close to Dolgoruky's (see above). The author's name is mentioned in the title of the work: "Sinave et Trouvore Tragedie Russe Par Monsieur de Soumarokoff Mise en vers françois Par M. Lespine de Morembert Comedien françois De Sa Majesté Imperiale De toutes les Russies A Saint Petersburg 1751" (*Ibid.*, f. 3).

2. Antoine-Nicolas de Lespine de Morembert, originally a French actor, also served as tutor in the Corps of Pages while in Russia. We do not know much about his life and career. However the information gleaned from his letters to Charles-Simon Favart and Favart's wife is

useful, not only for a biographical study, but also for the diplomatic and social history of the Russian court.

2.1. The correspondence of de Morembert with Favart, a famous dramatist, librettist, and director of the Opéra comique in Paris, was published for the first time in 1808 by Favart's grandson. This publication contained five letters: four from de Morembert to Favart and one of Favart's responses. Chronologically, there are two parts: two letters date from 1745 and three are from the early 1760s. I have found in the BNF the manuscripts which Favart's grandson used while preparing the publication. These manuscripts include six of Morembert's letters (two to Mr Favart and four to Mme Favart) which were not published, all dating from the early 1760s. This correspondence, as well as some other sources, makes it possible to reconstruct the main phases of de Morembert's career and life in Russia.

2.2. De Morembert was born in 1708 in France and came to Saint-Petersburg in 1742 to serve the Empress Elisabeth as an actor in the French company. From his first known letter to Favart in September 1745 one can learn a little about his situation by that time. His correspondence with Favart, and also with Jean Monnet, another director of the Opéra comique, testifies to the fact that he was in contact with the theatrical milieu of Paris. Indeed, he also mentions Boquet, the costume designer of the Opéra comique, and some other people connected with the Parisian stage.

De Morembert performed both tragic and comic roles, but it seems that the Russian courtiers were not completely satisfied with his qualities as an actor. In the summer of 1758 Ivan Shuvalov wrote to Karl Sievers, a master of ceremonies, that de Morembert would stay with the company until the following spring, but that he was not a very good actor. De Morembert did not write at all about his stage career in the correspondence remaining from the early 1760s, probably because of his dismissal. The most frequent topics of his correspondence

are debts, favours and acquaintances. In January 1761, after Elisabeth's death, de Morembert's tone was disillusioned. He observes of the Russian court: "Les foux et les bas bouffons y font fortune." He was unhappy with his situation and wanted to leave the country. The prince Repnin had already agreed to take him to Spain as a secretary, but debts prevented de Morembert from receiving an official diplomatic position. Still, he hoped to receive an unofficial one.

2.3. On 22 January 1757, Elisabeth signed the treaty of Versailles uniting the Russian, Austrian and French courts. Chevalier McKenzie Douglass, a Scotsman in service to Louis XV, was one of the active supporters of this alliance. In a missive asking the Foreign Minister to pay the agents providing him with information while he was in Russia, Douglass wrote of de Morembert as someone well-informed about Russian affairs.

When Catherine came to power, de Morembert decided to remind the French Foreign Ministry about his past service and seek to have his appointment renewed. The main subject of his unpublished letter to Favart of 9 October 1762 was his financial troubles. He sought to revive an annual gratuity he had received from the Foreign Ministry in 1756 and 1757. In the letters to Favart de Morembert explains the kind of services he provided for the French diplomatic mission: he had prepared reports on the Russian court's political disposition and sent them to France. Apparently his attempts to approach the Foreign Ministry in the early 1760s were fruitless, and, dismissed from the theater, he chose a literary career.

3. De Morembert's earliest literary works showed to his attention to the Russian court requirements, both as an actor and as Ivan Shuvalov's client.

3.1. De Morembert sent the manuscript of the translation to Favart and asked his old friend to publish it, promising both commercial success and the king's approval of the publication:

Voila la tragedie Russienne de ma traduction en vers dont je parle la mienne du 28 :
septembre d[ernie]r: si tu peux la faire imprimer et me faire le plaisir dont je te parle par
ladi[te], ni roy ni Prault n'auront rien a s'en repentir (*Ibid.*, f. 1).

Among the letters we have, that dated 28 September 1762 does indeed mention some dramatic works, which de Morembert promised to send to Favart the next spring. So, we can date this transmission to the beginning of the Catherine's reign (spring of 1763?). The verse translation could have been written earlier still: first, the titlepage of the manuscript gave 1751 as the date; second, *Sinav and Truvor* was performed in French on 6 September 1754 in the court theater and the staged version would have been in verse. This performance could also explain the need to translate the work into verse.

3.2. A newly translated edition, which was planned but never carried out, certainly had its own pragmatics. De Morembert wrote a great deal about his literary projects in the early 1760s. In his letter to Favart dated 28 September 1763, he remarks that, if he had not left France twenty years earlier, he would attempt a career as an author: as proof of his talent, he includes a short poem. He also mentions an ode on the death of Elisabeth and a tragedy called *Licurge*, both of which he sent to France, the former having been lauded by Favart. (I could find no evidence that these works still exist.) In February 1763, he sent a poetic work divided into songs to Favart and a certain abbé Couché and asked them to read it. In January 1764 he asked Mme Favart to carry out an experiment with his new play in verse: she should forward the work to Favart without naming the author and then await his judgement on it:

S'il la condamne absolument, au feu sans appel, au feu: si par un bonheur inespéré il la trouve la, passable; digne d'être joué, qu'il la fasse executer, si elle tombe motus: si elle

reussit grace a ses corrections parlés, Madame, parlés; dites luy alors le noeud de ce badinage (BNF. Coll. Rondel. MS 291. Pièce 34, f. 1 verso).

One of de Morembert's ideas was to collaborate on a comic opera with Mme Favart. According to the project, she was to send him the plan of a play and his work would be to put it into verse: "Si cette piece n'est pas belle par ma faute s'entend elle n'en sera pas moins rare Plan fait a Paris Piece versifiée en Russie!" (letter from Moscow, February 11 (22), 1763, BNF. Coll. Rondel. MS 291. Pièce 30, f. 1 verso).

After his dismissal in the late 1750s, de Morembert wanted to try his luck as a dramatic author. To achieve this goal he used his Parisian connections, especially the Favarts, who, by that time, were renowned for their dramatic works in both France and Russia.

3.3. The manuscript in question consists not only of the text of the tragedy, but also of de Morembert's foreword and a dedication to Ivan Shuvalov. In the foreword de Morembert makes a mysterious observation on the choice of the play: "Des raisons que je ne peux rendre publiques m'ont fait preferer cette Piece cy d'autres du même auteur..." (BNF. Coll. Rondelle. M.RE 249, f. 2 verso). He also stresses that he could not have finished the work without the support of the high-ranking people who helped him. One of them was, obviously, Shuvalov himself. De Morembert begins the dedication with the following rhetorical question:

A qui pourrois je offrir un travail qui pour ainsy dire s'en fait sous vos yeux, et auquel vous m'avez aidé dans ses difficultez par la delicatesse que vous possédés et de votre langue et de la notre même, si ce n'est a V.E.? (*Ibid.*, f. 3 verso).

In the foreword, de Morembert regrets the limited use of the Russian language among the European literati, and stresses the speed of the Russian theater's development:

...le théâtre Russe est encore dans son enfance pour ne pas dire au berceau mais aussy pour rendre justice a la verité s'il va du pas dont il commence il est a croire qu'il atteindra tous les autres en peu de tems. L'on trouve parmi la jeunesse Russe le goût, l'emulation, et le genie dramatique (*Ibid.*, f. 2).

There is no explanation given for the striking rapidity of the evolution of Russian dramatic arts, but the dedication to Shuvalov clearly aims to emphasize the role of aristocratic patronage. In 1762, Shuvalov was preparing to travel to Europe, and, in encouraging the edition of *Sinav and Truvor*, he probably wanted to revive his fame as a patron of the arts before his arrival.

The simultaneous publication of *Sinav and Truvor* in Russian and in French was very significant, for it highlights an important aspect of this early evolution of Russian literature: the creation of a national literature was especially important not simply in the local context of the country, but also in the broader international cultural and political context.

Friedrich Moser wrote in *Der Herr und der Diener* (1759), that the court had its own language and its own politics. In tragedy these two systems operate in close correlation. Tragedy's importance in the shaping and transference of political categories gave the genre the force of a political declaration. This is why the Russian court ordered the translations and summaries of topical literary works.

De Morembert's adaptation of *Sinav and Truvor* was part of his career project. To bring it to fruition, he relied on two different social networks: the Parisian theatrical milieu and the Russian aristocratic sphere. The text, however, was never published. Thus, the case of de Morembert reveals the gap between the two modes of existence of literary works translated from Russian in the eighteenth century: 1) the propagandist use of the texts (see the history of

Sinav and Truvor's translations and criticism), and 2) the real situation of the European literary markets and theatrical stages where a Russian work did not carry but relative value or interest.

VI. GALINA BABKOVA (Russian State University for Humanities (RGGU), Moscow):
“Открывая детство...”: детская преступность в России 18 в.”

Вторая половина XVIII в. традиционно считается временем кардинальной трансформации законодательства в отношении малолетних преступников, изъятие которых от общеуголовных санкций произошло в соответствии с указом от 26 июня 1765 г. Для понимания характера судопроизводства при разбирательстве дел, в которых были замешаны несовершеннолетние, в 1740-60-х гг. значительный интерес представляет комплекс делопроизводственной документации, сложившейся 1) в процессе выработки и утверждения вышеназванного указа; 2) в результате переписки между Сенатом и Экспедицией о колодниках при канцелярии Сената, с одной стороны, и Сыскным приказом, а затем образованной на его месте в 1763 г. Московской Розыскной экспедицией, с другой стороны. Поводом для переписки стал сенатский указ, датируемый в ПСЗРИ по дню его публикации 31 марта 1763 г.

Указ стал следствием обсуждения проблемы малолетних преступников в Сенате 28 февраля 1763 г. В результате всем судебным местам было приказано в течение недели прислать в Экспедицию о колодниках ведомости о содержащихся у них несовершеннолетних, которые находились под следствием по подозрению в совершении

«смертных убийств и в других тягчайших винах». 9 октября 1763 г. по причине неудовлетворительности поступавшей с мест информации Сенат постановил направить во все воеводские, провинциальные и губернские канцелярии новый указ, который регулировал характер сведений, обязательных к присылке в Экспедицию о колодниках. Во-первых, необходимо было представлять о каждом малолетнем отдельно «со мнением тех мест», во-вторых, в экстрактах надо было указывать возраст несовершеннолетних на момент преступления, в-третьих, данные о малолетних должны были сообщаться отдельно от прочих категорий колодников, в-четвертых, Сенат подчеркивал, что подобной практике надлежало следовать «и впредь», фактически становясь судом первой инстанции по делам о детях преступниках

Столь пристальное внимание Сената к проблемам несовершеннолетних правонарушителей было обусловлено тем, что ситуация с рассмотрением дел, в которых были замешаны дети, прямо противоречила четко артикулированному в ряде указов зимы-весны 1763 гг. намерению власти «о скорейшем» и в «указные сроки» о «колодниках решении». В печатном варианте указа от 28 февраля 1763 г., который появился 31 марта того же года, Сенат мотивировал необходимость «иметь рассуждение о малолетних» тем фактом, что они «содержатся в разных местах *до указа* (курсив мой – Г.Б.) под караулом».

Данное утверждение расходится с устоявшимся в историографии мнением о том, что уголовное законодательство в отношении несовершеннолетних было модифицировано сенатскими указами от 23 августа 1742 г. и 18 июля 1744 г. Как известно, они состоялись по делу обвинявшейся в убийстве 14-летней Прасковьи Федоровой и устанавливали сначала 17, а затем 12 лет как возраст совершеннолетия, а также значительно смягчали наказания для малолетних. Обсуждение проблемы

законодательного регулирования ответственности детей преступников в Сенате в 1763-1765 гг. дает основания утверждать, что ни один из упоминавшихся сенатских указов в действительности не имел законной силы. Будучи представлены Елизавете Петровне в виде сенатских докладов, они так и не были подтверждены последней, хотя предлагались на ее рассмотрение четырежды – в 1742, 1744, 1746 и 1750 гг.

Это подтверждают и ведомости (в целом они содержали информацию о 23 несовершеннолетних колодниках), присланные из Сысного приказа и Московской Розыскной экспедиции в Экспедицию о колодниках в 1763-1764 гг. с целью исполнения указа от 28 февраля 1763 г. Их анализ позволяет сделать следующие выводы. 1. В Сысном приказе и Московской Розыскной экспедиции к категории несовершеннолетних относились лица, достигшие 19 лет. Совершение преступления до указанного возраста было главным основанием для изъятия их от общеуголовных судебно-следственных методов и санкций. Понятие «малолетний» как качественная характеристика возрастного состояния в экстрактах последовательно применялось только к лицам до 12 лет (как преступникам, так и потерпевшим). Для остальных возрастных категорий понятия «малолетства» или «несовершенства лет» использовались в основном в качестве объяснения повода принятия в отношении них тех или иных решений (освобождения от пытки, смягчения наказания и т.д.)

Принципы определения возраста поступавших в Сысной приказ и Московскую Розыскную экспедицию колодников были следующими. Во-первых, при первых расспросах допросах колодники сами «показывали», сколько им лет, а во-вторых, вышеназванные инстанции могли направить запрос, как правило, в Камер-коллегию с целью сверки показаний подсудимых с данными второй ревизии (1744-1747 гг.). Очень часто выяснялись существенные разночтения, поскольку несовершеннолетние

подозреваемые были склонны завышать свой фактический возраст. И Сыскной приказ, и Московская Розыскная экспедиция учитывали данный факт, принимая во внимание не тот возраст, который указывали сами малолетние, а тот, который фигурировал в данных второй ревизии.

2. В 1740-х – начале 1760-х гг. (до указа от 10 февраля 1763 г.) в Сыском приказе/ Московской Розыскной экспедиции при разбирательстве дел, в которых главными субъектами преступления или сообщниками выступали дети, 10 пункт 6 главы Воинских процессов был основным законодательным актом, регулировавшим применение пытки.

Прямая ссылка на 10 пункт 6 главы Воинских процессов содержится в 9 из 10 дел, рассмотрение которых было начато в Сыском приказе до февраля 1763 г. и экстракты и мнение по которым были переданы в Экспедицию о колодниках в 1763-1764 гг. В 8 случаях на ее основании было вынесено решение о неприменении к несовершеннолетним подозреваемым пытки, что обычно влекло за собой остановку в разбирательстве дела. Не имея возможности пытать, приказ не знал, как решать вопрос с «разноречиями» в допросах подследственных и верить ли показаниям малолетних на третьих лиц. Указанная ситуация фиксируется в 7 делах, в каждом из которых Сыскной приказ, ссылаясь на отсутствие четких правил проведения следствия в отношении «недорослей», принимал решение об отправке соответствующего запроса в Сенат.

Неприменение пытки не означало, однако, полного изъятия малолетних от допросов с пристрастием и других способов морального воздействия. Из 23 несовершеннолетних, экстракты о которых были отправлены из Сыского приказа/ Московской Розыскной экспедиции в Экспедицию о колодниках, только 6 были «спрашиваны под плетями» или батогами, 1 допрашивался «при пытках» других

фигурантов дела. Характер преступлений, в которых были замешаны указанные малолетние, позволяет предположить, что решения Сысского приказа были обусловлены, во-первых, серьезностью инкриминированных обвинений (убийство, разбой), а во-вторых, значительными противоречиями в показаниях подозреваемых.

При проведении следствия по делам о несовершеннолетних Сысской приказ/Московская Розыскная экспедиция практически сразу начинают использовать 2-ой пункт именного указа от 10 февраля 1763 г. «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству». На его основании вместо пытки к 9 малолетним подозреваемым были применены «увещевания» через священника и поварный обыск.

3. В переданных в Экспедицию о колодниках проектах приговоров по делам малолетних преступников Сысской приказ/Московская Розыскная экспедиция предлагали значительное смягчение санкций, дифференцируя их в зависимости от тяжести содеянного и возраста несовершеннолетнего. Московская Розыскная экспедиция считала возможным уменьшение наказания только в том случае, если обвиняемый оставался не «указных лет» на момент вынесения приговора.

4. Значительный объем поступившей информации о находящихся под следствием малолетних ясно обозначил настоятельную потребность усовершенствования законодательства в их отношении и заставил Сенат заняться внимательным изучением предшествующих попыток урегулирования данного вопроса. На заседании 25 мая 1764 г. было решено повторно рассмотреть дело П. Федоровой и состоявшийся по его поводу сенатский доклад. В протоколе заседания отдельно отмечалась необходимость «постановления вновь закона» о малолетних, «рассуждение» о которых должно было состояться в общем собрании Сената.

12 ноября 1764 г. указанное собрание было проведено, и по его итогам, обращая особое внимание на «важность» вопроса, Сенат приказал, во-первых, изучить собственные законодательные определения, касавшиеся несовершеннолетних правонарушителей, а во-вторых, «справится» с законодательствами «других христианских народов и поданных Ее Императорского Величества». В течение зимы-весны 1765 гг. по вопросу о наказаниях малолетних и характере применявшихся к ним следственных методов были сделаны специальные выписки и переводы из «Лифляндских земских прав», «малороссийских прав», магдебургского, саксонского, шведского права и «Эстляндских рыцарских прав».

В протоколах заседаний отсутствуют какие-либо упоминания об обсуждении в Сенате принципов возрастного определения совершеннолетия и характера пенитенциарного воздействия на малолетних преступников в иностранных системах права. Они также не оказали влияния на окончательный проект сенатского указа. Как представляется, это было связано с двумя причинами.

Во-первых, выписки из европейского и малороссийского законодательства наглядно продемонстрировали отсутствие единства и ясности в данном вопросе. С одной стороны, в Лифляндском, Эстляндском, малороссийском, магдебургском и саксонском праве 14 или 16 лет полагались возрастным рубежом изъятия от пытки и замены смертной казни телесным наказанием. Однако, с другой стороны, эти же системы права содержали постановления по тем же вопросам, в которых устанавливался другой или вообще не определялся возраст наступления уголовной ответственности.

Во-вторых, в сравнении с традициями малороссийского и европейского законодательства (естественно, той его части, которая рассматривалась Сенатом)

российские законодательные предложения, касавшиеся малолетних преступников, завышали возраст наступления уголовной дееспособности и отличались большей четкостью при его определении. Особого внимания в данной связи заслуживают экстракты, которые 7 января 1765 г. представила Уложенная комиссия 1754-1766 гг., а также сенатский доклад, переданный на рассмотрение Елизавете Петровне в 1742 г. В «синтезированном виде» данные материалы легли в основу указа от 26 июня 1765 г.

Сенатский доклад 30 июля 1742 г., предлагал считать малолетними лиц, не достигших 17 лет, для которых в случае совершения ими тяжких уголовных преступлений смертная казнь заменялась публичным наказанием плетьюми и ссылкой в монастырь на разные сроки. В предложениях Уложенной комиссии 1754-1766 гг. 15 лет полагались возрастом, совершение преступлений в котором влекло полную меру уголовной ответственности. Виновные в умышленных убийств дети от 10 до 15 лет подлежали наказанию плетьюми, до 10 лет – розгами и ссылке в монастырь.

На заседании 11 марта 1765 г. Сенат, ссылаясь на именной указ Петра I от 17 апреля 1722 г. и «имея довольное рассуждение», постановил «по криминальным» делам «как мужескому, так и женскому полу совершенной возраст считать семнадцать лет». Плети и розги, «а не батожье» предлагалось установить в качестве основных видов телесных взысканий для несовершеннолетних правонарушителей: дети от 10 до 15 лет подлежали наказанию розгами, а от 15 до 17 лет – плетьюми. До 10 лет ребенок считался полностью уголовно невменяемым и освобождался от любой ответственности. Его надлежало отдавать для наказания «отцам, матерям или помещику», освобождая на будущее от каких-либо подозрений. 23 апреля 1763 г. Екатерине II был представлен доклад Сената, который она утвердила 2 мая того же года. В ПСЗРИ данный указ датирован по дню его публикации 26 июня 1765 г.

Таким образом, в соответствии с указом от 26 июня 1765 г. впервые в русском праве был четко обозначен возраст недееспособности (10 лет) и наступления полной дееспособности (17 лет) по уголовным делам. При этом он был значительно выше, чем в европейском праве того же времени (7 и 14/16 лет соответственно). Параллельно произошло значительное смягчение наказаний для малолетних преступников через их изъятие от общеуголовных санкций.

ARTICLES

I. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ БИОГРАФИИ Н.П. НИКОЛЕВА (Когда родился? Когда женился? Когда ослеп?)

В краткой биографии Николая Петровича Николева, написанной другом, учеником и воспитанником поэта Степаном Масловым сказано, что он родился 10 ноября 1758 года.¹ Эта дата обычно указывается в немногочисленных посвященных Николеву работах.² Однако при первом же внимательном рассмотрении она вызывает серьезные сомнения.

В 1777 году отдельной книжкой вышла николевская *Сатира на обычаи и нравы развращенных людей ныняшнего века*. Позднее (1797) она была напечатана в сочинениях Николева с примечанием: 'Сия сатира есть первый плод автора в 1770 году. Она была уже напечатана против его воли ..'.³ Таким образом получается, что Николев сочинил свое первое стихотворение (громоздкое: около 300 стихов!) в 12 лет. С другой стороны, Маслов сообщает, что Николев 'на 17-м году написал довольно острое и наполненное истинами сочинение под названием: *Сатира на Нравы*'. (стр.15-16) Если он родился в 1758, то написал ее в 1775 году, а сам автор утверждает, что в 1770. Тогда он родился в 1753. Последняя дата, как увидим, кажется, ближе к истине.

Однако этой дате противоречит примечание к 'Идиллии на восшествие Екатерины Алексеевны на престол' (1773): 'Автор. имел осмнадцать лет, когда сочинил сию идиллию'.⁴ Если это правда, то Николев родился в 1755 году.

Наконец, на титульном листе комедии *Самолюбивый стихотворец* автор сообщил: 'Сочинена в 1775 году. В первый раз представлена в 1781 году'.⁵ Пьеса

отличается незаурядными достоинствами: остротой вымысла, блестящими диалогами, совершенным для того времени стихом. Однако из сказанного следует, что Николев написал этот острый памфлет на прославленного драматурга (А.П.Сумарокова) в возрасте 17 лет.

Еще больше путаницы в год рождения Николева вносит его женитьба. Дата этой женитьбы устанавливается, кажется, вполне точно. В Дневнике некоего Палладия Лаврова имеется три записи:

1. 2 ноября 1777. Познакомился с княжною Катериной Александровной Долгоруковой.

<Внизу страницы примечание>: Вскоре за тем вышедшей за стихотворца Н.П.Николева

2. 11 февраля. Был у князя Михаила Александровича Долгорукова. Он мне сказал, где дом Николевых.

3. 12 февраля. Обедал у Ник.<олая> Петр.<овича> Николева. Катерина Александровна была мне очень рада, подарила шелковый платок, взяла у Катерины Петровны.⁶

Таким образом, свадьба состоялась где-то между серединой ноября 1777 и самым началом февраля 1778. Однако с этой датой возникает некоторая проблема. Сын Николева, как утверждают авторитетные справочники (бесспорным доказательством является *Московский некрополь*, II (1908)) родился 25 мая 1778 года.⁷ Следовательно, если Екатерина Дмитриевна забеременела в середине ноября 1777 года, то до рождения первенца прошло чуть более шести месяцев. Вряд ли при тогдашнем уровне медицины такой ребенок мог выжить. За всеми этими событиями ощущается какая-то романтическая история. На это, кажется, намекает и С.Маслов: 'На 27 году он женился по чувству сердца на Княжне Долгоруковой ...' (стр.19). Слова 'чувство сердца' скрывают, видимо какие-то обстоятельства, сопутствовавшие свадьбе, может быть, какие-то препятствия. Некоторый свет на эту историю проливает недавно опубликованное письмо Петра Ивановича Панина к племяннику

его князю А.Б.Куракину. В письме Панин просит защитить имущественные претензии Николева, в судьбе которого он принимал самое искреннее участие:

Препровождаю через сие ходатайством моим в милостивое, где возможно, воспоможение ваше любезный мой Друг Князь Александр Борисович вручителя сего Николая Петровича Николева, сына покойного давнего приятеля моего Петра Михайловича. Вы пожалуете выслушать от него, каким ужасным бесчеловечием отец жены его, князь Александр Алексеевич Долгорукий ввергает их с невинно рожденными уже детьми в бедственнейшую нищету под видом за то будто, что дочь его возростом в двадцать семь уже лет вышла замуж *уходом от родителя* <! Курсив мой, – М.А.>; но за дворянина со всем себе ровного, и за *честного человека* <курсив мой, – М.А.>; в самой же вещи для того, чтоб не допустить ее получить из своего, и матернее имение, ничего до своей смерти, и чтоб сносила она с терпением, когда он раздает оное побочным детям от своей холопки, которую держит явно своею наложницею; да и для чего дочь его нарушила и тем целомудрие свое, что вышла законно замуж в двадцатисеми годах, и народила детей от него, а не по примеру его от холопа <...> Сей господин Николев надеюсь вам уже именем известен по нескольким его стихотворным изданиям.⁸

Письмо отправлено из Москвы и датировано 14 марта 1781 года. Просьба успехом не увенчалась. Тесть Николева А.А.Долгорукий через год (1782) скончался, а спустя еще год 'в 1783 году– все имения его перешли к сыновьям Александру, Федору и Михаилу'.⁹ Однако нужно заметить, что разговоры о 'бедственнейшей нищете' панинского протеже были явно преувеличены. Николев, видимо, обладал достаточно хорошим и независимым состоянием. Мы знаем, что в 1795 году он продавал дом в Москве, а в 1796 – имение.¹⁰ Несмотря на эти продажи значительная недвижимость у него оставалась. Перед нашествием французов он имел «в подмосковной деревне собственный театр ... и огромный дом, выстроенный на подобие замка в три этажа на 52 саженьях» (Памятник друзей, стр.25–6). В 1812 году в

письме к Д.И.Хвостову он сетовал на свои потери: 'Разоренный, ограбленный, лишенный в подмосковной и в Москве более нежели сто тысяч имущества от общего врага России ...'.¹¹ Впрочем, судя по воспоминаниям С.Т.Аксакова, и после войны он жил в Москве в собственном доме вполне обеспеченно и безбедно.

В то же время из письма становится ясным, что Николев, по всей вероятности, очень любил молодую девушку, тайно увез ее из дома и против воли отца обвенчался с возлюбленной.. Видимо, интимные отношения начались раньше и благородный молодой человек ради спасения чести своей любимой решился на отчаянный шаг. (Недаром Панин в своем письме называет его *честным человеком*.) А разъяренный отец обвинял в безнравственности и собственную дочь и ее слишком предприимчивого мужа. Обо всех этих обстоятельствах Панин, естественно, не писал Куракину.

При этом письмо Панина вносит новые сомнения в вопрос о дате рождения Николева. По его словам, Николев имеет детей (т.е., по крайней мере двух). Письмо написано в 1781. Так что он женат к этому времени не менее двух-трех лет, т.е. с 1778 года, что вполне подтверждается записями Палладия Лаврова.

Маслов говорит о женитьбе Николева 27-и лет отроду (стр.19). Такое точное и не круглое число вызывает доверие. Но в таком случае Николев должен был родиться в 1750 или 1751 году (а не в 1758!). Правда, Панин дважды отмечает, что Екатерина Александровна, выходя замуж, тоже имела 27 лет. Может быть, оба числа смешались в памяти биографа. Девица 27-ми лет по тем временам могла считаться старой девой. Может быть, Николев в своих рассказах прибавил себе несколько лет, сделав тем самым себя ее ровесником, чтобы не выглядеть смешным из-за женитьбы на перезрелой девице старше себя возрастом. Но все-таки, думается, с наибольшей вероятностью можно считать временем рождения Николева даже не середину, а, скорее, 1751-2 гг.

По своему происхождению Николев принадлежал если и не к очень старому, но достаточно почтенному дворянскому роду, начало которому положил французский полковник Д.Николь-Деманор, преселившийся в Россию в ХУП веке.¹² Отец Николева был генерал-майором привилегированного гвардейского Преображенского полка и был связан родственными и дружескими узами со многими самыми знатными и известными русскими фамилиями. Так, 'давним своим приятелем' называет Петра Михайловича Николева в уже цитированном письме Петр Иванович Панин, знаменитый полководец, один из крупнейших вельмож Екатерининского времени.¹³

Петр Михайлович приходился родственником княгине Е.Р.Дашковой, которая была в родстве с братьями Паниными.¹⁴ Умной, образованной, властной княгине, видимо, очень понравился миловидный мальчик. 'Николай Петрович Николев, одаренный приятною наружностью и живым характером, будучи шести лет, обратил на себя особое внимание Княгини Екатерины Романовны Дашковой, которая по родственному знакомству с его родителем, выпросила у него сына на свое попечение.' Дашкова к тому времени была уже матерью двоих детей, об образовании которых она очень заботилась, и об образовании своего воспитанника тоже: «Все средства были употреблены для образования способностей много обещавшего юноши и прилагаемо особенное старание дать ему должные познания в математике и словесности, к чему он имел особую склонность. В продолжение своего воспитания, сверх языка отечественного, Николев столько успел в литературе французской и италийской, что мог не токмо свободно объясняться, но и писать на сих двух языках». (*Памятник друзей*, стр.14–15). Этот рассказ о блестящем образовании Николева, видимо, несколько преувеличен, т.к. в доме Дашковой Николев находился, как увидим, гораздо меньше времени, чем получается по рассказу Маслова. Не случайно тот же биограф на следующей странице говорит о «недостатке методического учения» у будущего писателя (стр.16)

После смерти мужа М.И.Дашкова (1764) денежные дела вдовы оказались в очень плачевном состоянии, и княгиня два года (1765–1767) провела в Москве. Видимо тогда она и забрала к себе Николева. Мальчику в это время, возможно, было 14–15 лет (а не шесть, как сообщает биограф). Вскоре (конец 1769) Дашкова, сначала вернувшись в Петербург (наверное со своим воспитанником), уехала с детьми за границу. До этого она три месяца тоже с детьми путешествовала по России, ездила в Киев.¹⁵ Нет никаких известий, что Николев принимал участие в этих путешествиях. Возможно, он оставался (и недолго: год–два) в Петербурге в семействе одного из Паниных (вероятно, Петра, с которым Дашкова была в родстве по мужу и была дружна, и который, как мы помним, был близким другом отца мальчика).

Мы знаем, что Дашкова заботилась о делах и карьере Николева, когда он был уже совсем взрослым человеком. Это доказывается единственным известным письмом княгини к своему воспитаннику:

Ваша Ода не только напечатана, но так понравилась ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ, что вы на сей почте или на будущей получите знак Монаршего благоволения; как давний ваш друг советую вам написать Г<осподину> Платону Александровичу письмо, которое я берусь ему доставить, в оном изъясните свою благодарность, что он причиною, что сия ода понравилась, что вы знаете от меня, что он оную читал ЕЯ ВЕЛИЧ <еству>: что вы тем менее ожидали сего щастливого успеха, что, не гордясь оной, оставляли на мой произвол печатать или нет оную. Затем простите, желаю вам всякого благополучия, а за недосугом только вам скажу, что искренне вам добра желает

К. Дашкова

[Примечание: число, месяц и год не подписаны.]¹⁶

Хотя письмо и не датировано, однако установить более или менее точно время его написания нетрудно. Платон Александрович Зубов стал фаворитом Екатерины летом 1789 года. В самом конце 1791 г. (29 декабря) после многолетней войны был подписан на выгодных для России условиях мир с Турцией. С 1783 по 1794 Дашкова была директором Академии наук. Уже в феврале 1792 года в журнале Академии *Новые ежемесячные сочинения* была опубликована ода Николева. Можно полагать, что это как раз и была та самая ода, печатание которой автор оставлял на 'произвол' директора.¹⁷ Тогда же эта ода вышла отдельной брошюрой, которую, вероятно, и читал Зубов императрице. Таким образом, письмо можно датировать 1792 годом.

Из текста видно, как трогательно заботится Дашкова о своем воспитаннике. Поэту в 1792 году было, наверное, уже порядка 40 лет. Однако Дашкова не только по-матерински радуется его успеху, но и подробно наставляет его, почти диктует, какое письмо и в каких выражениях следует написать фавориту, чтобы упрочить свое положение. 'Знак Монаршего благоволения' тоже вскоре был получен, о чем Николев оповестил своих читателей в оде, напечатанной в следующем году.¹⁸

Биограф рассказывает, что Екатерина 'подарила ему из собственных рук золотые с бриллиантами часы и табакерку за оду на Покорение Очакова' (*Памятник друзей ...*, 20). Возможно, в рассказе слились две награды. За оду (точнее две оды¹⁹) на взятие Очакова Николеву были вручены в 1789 дорогие часы, а за другую оду 1791 года подарок был скромнее – золотая табакерка.

Нам, однако, пора вернуться к юношеским годам Николева. Как сообщает биограф, 'на 16-м году возраста он был записан в Гвардию' (*Памятник друзей ...*, 15). Как мы уже имели возможность убедиться, датам С.Маслова особенно доверять не следует. Но если считать годом рождения Николева 1750 или 1751 и принять 'шестнадцать лет' за достоверную дату, то это событие могло произойти в 1767–8 гг. Впрочем 'записан' не обязательно означает, что юноша немедленно приступил к службе. Она могла начаться и годом или двумя позже. Во всяком случае, пребывание

в доме Дашковой (и в доме Петра Панина, если таковое имело место), видимо, было не очень долгим. Однако заслуживает доверия рассказ, что молодой человек в это время постоянно находится в кругу самых просвещенных и значительных людей своего времени, среди которых, кроме Дашковой, биографом названы 'Панины, Шуваловы и и другие знаменитые современники ... которые, уважая родителя Николева ... не только не скучали беседою молодого человека, но еще находили приятность в его разговорах, непринужденности и острых замечаниях' (стр.16). Аксаков, познакомившийся с Николевым много позднее (1812) запомнил характерную деталь его облика и поведения: 'Вообще можно было заметить, что Николев некогда жил в знатном кругу и был известен при дворе'.²⁰

Служба его шла, по-видимому, достаточно успешно. Так, однажды он из Крыма был послан курьером к самой императрице. По словам биографа, это рутинное служебное поручение круто и навсегда изменило жизнь молодого талантливого человека. По дороге он простудился, заболел и зрение его значительно ухудшилось (стр.19). Вероятно, оно было слабым еще с юношеских, может быть, с детских лет. В раннем (своем 'первом') уже упоминавшемся стихотворении *Сатира на обычаи и нравы развращенных людей нынешнего века*, напечатанном в 1777 году, а написанном, по словам автора, в 1770, т.е. по нашему расчету, когда автору было около двадцати лет, Николев писал:

Я сам смотрю в лорнет, но только для того,
Что худо вижу я без помощи его.
Равно как и очки на то я надеваю,
Что с нуждой ввечеру без оных прочитаю.
А если бы глаза получше кто мне дал!
Я бросил бы лорнет, очков не надевал.²¹

Зрение, по всей вероятности, ухудшалось медленно и постепенно. Вряд ли слепой офицер мог увезти из дома девушку и обвенчаться с ней против воли отца. Так

что выход в отставку из-за слепоты в чине майора (*Памятник*, стр.19) последовал значительно позже. В 1789 году (т.е. только через 11–12 лет после романтической женитьбы) в *Новых ежемесячных сочинениях* появилась уже упоминавшаяся ода Николева на взятие Очакова, написанная от имени 'отставного' служивого Моисея Слепцова. Псевдоним, несомненно, подчеркивал физический недостаток автора. А эпитет 'отставной' (служивый), кажется, указывает, что автор около этого времени, по-видимому, вышел в отставку.

А еще через 12 лет, в 1801 году, Николев написал стихи на восшествие Александра 1 на престол. Они начинались следующими строками:

Что жарка кровь по жилам льется
И пламень ощущать дает?
Куда, куда твой дух несется,
Лишенный зрения поэт?
Тебе ль средь дня во тьме сидящу,
Седь лет едва предметы зрящу,
Крылаты мысли восхищать?²²

Таким образом, значительное ухудшение, по словам самого Николева, произошло лишь в 1794 году, когда он стал «едва предметы зрящу». Впрочем, кажется, какие-то остатки зрения сохранялись и много позднее, может быть, до конца жизни. Так, Маслов рассказывает, что «в подмосковный деревне Николев имел собственный театр и за год перед нашествием французов он сам играл первую роль в *Святославе*, трагедии собственного сочинения» (стр.25–6). Вообще он всегда 'желал казаться зрячим и очень не любил, если кто-нибудь давал чувствовать его слепоту'.²³ Аксаков с легкой иронией вспоминал о претензии Николева как будто не замечать собственной слепоты: '... он ... заглядывал ко мне в книгу, как будто сражаясь, не ошибся ли я, потом брал ее в руки и, как будто по книге, продолжал чтение начатой мною пьесы'.²⁴ Друг Николева Н.Шатров говорил Аксакову: 'Николев ... имеет

странное желание казаться зрячим и любит говорить о чистоте своего платья и опрятности своих комнат, тогда как мошенники–слуги одевают его в черное белье, нечищенное платье и содержат его комнаты засоренными и грязными'.²⁵ Чтобы иметь подобные претензии и более или менее успешно осуществлять подобную игру, наверное, нужно было сохранять какие-то остатки зрения.

Другое дело – в стихах. Здесь подчеркивание своей слепоты придавало облику автора дополнительный поэтический колорит, вызывая ассоциации с Гомером и Мильтоном. Поэтому в поэтических опусах Николев охотно называл себя слепцом. Упомянутые стихи Александру I 1801-го года написаны *Николевым слепым*. Так же подписался Николев под посвящением Александру I трагедии *Светослав*.

Итак, мы можем считать, что Николев по-настоящему ослеп, т.е. лишился возможности самостоятельно читать и писать в самой середине 1790-х годов. К этому времени он уже был очень известным, знаменитым писателем, и даже, можно сказать, прошел зенит своей славы.

Сделанные попытки уточнить биографию Николева позволяют несколько по-иному взглянуть на развитие его творчества. Так, если памфлет на Сумарокова написан не в семнадцать лет, а в 24–5, а во второй редакции поставлен на придворном театре, когда поэту было уже за тридцать, то следует по-другому и гораздо серьезнее отнестись к роли Николева в литературной борьбе и к его столкновениям с фонвизинским кружком.²⁶

Марк Альтшуллер (University of Pittsburgh)

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Памятник друзей Николаю Петровичу Николеву* (М., 1819), с.13. Эта небольшая книга, к которой мы часто будем обращаться, является важнейшим источником для изучения творчества Николева. Она посвящена сыну поэта Николаю Николаевичу Николеву и издана С.Масловым, который в посвящении называет недавно умершего

поэта своим 'другом и благодетелем'. (В дальнейшем ссылки на эту биографию Николева – в тексте.)

2 Н.Д.Кочеткова, автор наиболее полной к настоящему времени биографии Николева, более осторожно называет дату его рождения: ок^{оло} 1758 (*Словарь русских писателей XVIII века*, II (СПб., 1999), 350.

3 *Сводный каталог русской книги XVIII века*, II (М., 1964), 304, по. 4631.

4 *Словарь русских писателей*, II, 350.

5 *Российский феатр*, ч. XV (СПб., 1785), 7.

6 'Похождения монаха Палладия Лаврова (из подлинного о нем дела)', *Русский архив*, по. 8 (1878), 445, 448.

7 См. Кочеткову, *Словарь русских писателей XVIII века*, II, 349–50.

8 П.А.Дружинин, *Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818)* (М., 2002), с. 286. (В дальнейшем: Дружинин.)

9 Там же, с. 287. Правда, любимец и близкий друг наследника мало что мог сделать по просьбе своего дяди. Уже 19 сентября 1781 года он выехал вместе с Павлом и его женой в продолжительное путешествие по Европе, а сразу по возвращении (20 ноября 1782 года) повелением императрицы 'был удален от двора с приказанием отправиться на жительство в саратовские имения' (П.А.Дружинин, 'Князь А.Б.Куракин. Опыт биографии', Там же, с. 29–33. Нужно отметить, что рекомендация Панина оказалась позднее весьма полезной Николеву. Он обращался к Куракину с просьбами и встречал благосклонный прием. См. там же, 280–5.

10 *Московские ведомости* (9 июня 1795), с. 997; (5 января 1796), с. 25.

11 Н.Н.Николев, 'Письмо Д.И.Хвостову. 5 ноября 1812'. Публикация И.Ф.Мартынова <М.Г.Альтшуллера>, *Письма русских писателей XVIII века* (Л., 1980), с. 410.

12 См. Кочеткову, *Словарь русских писателей XVIII века*, II, 350.

13 Дружинин, с. 286.

14 'Братья Панины приходились кузенами моей свекрови: их матери <...> были сестрами <...>. Сыновья ее доводились моему мужу дядьями' (Е.Р.Дашкова, *Записки. Письма сестер М. И К. Вильмот из России*. Под ред. С.С.Дмитриева. Составитель Г.А.Веселая (М., 1987), с. 55.

15 Дашкова. *Записки*, с. 90–3.

16 'Письмо Екатерины Романовны Дашковой к Николаю Петровичу Николеву', *Русская правда. Литературный альманах на 1860 год* (Киев, 1860), с. 72–3.

17 Ода е.и.в. всемилостивейшей государыне Екатерине Алексеевне ...на заключение мира с Оттоманскою Портою 1791 года декабря 29 дня, всеподданейше подносит ея верноподданный Николай Николев сын Петра (М., Унив. тип., у В.Окорокова, 1792). Первоначально была опубликована в *Новых ежемесячных сочинениях*, ч. LXVIII (февр. 1792), с. I–XVII (*Сводный каталог русской книги XVIII века*, II, 303, по. 4621.

18 Ода е.и.в. всемилостивейшей государыне Екатерине Алексеевне ... в свидетельство душевного благодарения как вообще за пролитыя божественныя щедроты на всех чад российских обнаруженным манифестом сентября втораго дня в лето царствования ея: всероссийскаго, в тридесять второе, таврическаго в первое на десять, так и собно за оказанную высочайшую милость награждением малую жертву за великия благодеяния принесшаго ея верноподданного Николая Николева (М., тип. Хр. Клаудия, 1793) (Там же, по. 4622).

19 Две оды на взятие победоносным российским воинством грода Очакова 1788 года декабря 6 дня сочиненныя первая г.Т...м в царстве мертвых, вторая отставным солдатом Моисеем Слепцовым ([Спб.,тип.Рахманинова], 1789) (Там же, 302, по. 4617).

20 С.Т.Аксаков, 'Литературные и театральные воспоминания', Собрание сочинений в четырех томах, III (М.,1956), 16.

21 Поэты ХУШ века, Биографические справки И.З.Сермана, составление Г.П.Макогоненко и И.З.Сермана, подготовка текста и примечания Г.С.Татищевой, II (Л.1972), 491-2. (Заметим еще раз, что подобное о себе вряд ли мог написать двенадцатилетний мальчик.)

22 'Жертвоприношение. Поэма на случай издания милоствых манифестов Государем Императором александром Павловичем в первое высочайшее присутствие его в Сенате в 15 й день по восшествии на престол от верноподданного Николева слепого. Апреля дня 180-й год', Отдел рукописей Российской национальной библиотеки <СПб>, Я ХУП. 183 (Ш), л.4.

23 С.Т.Аксаков, Ук. соч., стр.12.

24 Там же, стр.18.

25 Там же, стр.15.

26 См. В.П.Степанов, 'Полемика вокруг Д.И.Фонвизина в период создания Недоросля', Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой, XVIII век, сб. 15 (Л., 1986), 204-29. См. также опубликованную им же сатиру 'Обед Мидасов', которая вышла из круга Фонвизина и одним из главных героев которой является Николев: 'К истории литературных полемик ХУШ в. ("Обед Мидасов")', Публикация В.П. Степанова, Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год (Л.,1978), с. 146.

II. 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук': Об авторстве статьи, приписывавшейся Н.И. Новикову, Или три анонимных сочинения

I.

На страницах первой части *Московского ежемесячного издания* (1781), просуществовавшего ровно один год, была между прочим опубликована анонимная статья 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук'. Статья эта долгое время оставалась известна только узкому кругу историков литературы. Похоже, что в XIX столетии к указанной статье из новиковского журнала впервые привлек общественное внимание А.И. Незеленов (1845 – 96), перепечатавший в своей магистерской диссертации отдельные из нее выдержки с присовокуплением собственных замечаний. В частности, он писал:

Прекрасная статья 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук' говорит о зарождении наук и искусств в человечестве и о том, что способствует их развитию и распространению в народе¹.

Далее следует краткий пересказ статьи без какого-либо объяснения или критического разбора пространных извлечений. Впрочем, какого-либо объяснения в то время и не требовалось, главное же дело было сделано – извлечения из анонимной статьи XVIII века не остались незамеченными; во всяком случае, последующие историки литературы, говоря о просветительском направлении новиковской журналистики, охотно цитировали 'О главных причинах...' не по *Московскому изданию*, но по диссертации А.И. Незеленова².

Спустя сорок лет после выхода в свет исследования А.И. Незеленова, в 1916 году В.А. Боголюбов, ученик Ключевского, выпустил книгу *Н.И. Новиков и его время*. Автор этого исследования также ограничился общим рассуждением и пространном цитированием при разборе интересующей нас статьи:

В статье 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук' указывается, что науки появляются только тогда, когда организованное человеческое общество дает необходимую безопасность для спокойной вдумчивой работы мысли. Для развития наук необходима свобода мысли, "вольностью они процветают"³.

Анализируя ту или иную статью из *Московского издания*, В.А. Боголюбов использовал безличные обороты вроде "*Московское издание* видит...", "*Московское издание* разбирает..." и т.д., что вполне естественно, поскольку авторство в новиковском журнале указывалось в исключительных случаях. "Во многих отношениях замечательную статью"⁴ упомянул впоследствии и Г.В. Плеханов в *Истории русской общественной мысли*.

Итак, статья 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук' хотя и находилась в поле зрения дореволюционной общественности, однако внимание к ней все же было довольно ограниченным, а частота цитирования фактически ничтожной. Положение это изменилось в 1947 г., когда вышел в свет четвертый том *Истории русской литературы*, на страницах которого советскими исследователями был выдвинут ряд новых положений в связи со статьей из новиковского журнала. Г.П. Макогоненко и И.З. Серман, авторы раздела 'Новиков', в частности сообщили следующее:

Выяснению вопроса, какие общественные условия способствуют развитию наук, посвящена статья 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук'. Статья эта

без подписи, видимо, оригинальная. Мысли, развиваемые в ней, близки к многочисленным новиковским высказываниям, и можно предположить, что и статья принадлежит ему. В статье выдвигаются два тезиса. Первый: только свобода способствует расцвету наук и художеств, и второй: только народ есть истинный хранитель завоеваний науки. Вся статья была полна намеков на политический режим России, что делало ее весьма злободневной. И это не единичный случай в *Московском издании*⁵.

В своей обширной монографии *Николай Новиков и русское просвещение XVIII века* (1951) Г.П. Макогоненко еще раз повторится:

Выяснению вопроса о том, что же способствует развитию наук, посвящена статья 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук'. Статья эта без подписи, но мысли, развиваемые в ней, близки к многочисленным высказываниям Новикова, и можно предположить, что данная статья принадлежит ему⁶.

Предположение Г.П. Макогоненко было немедленно обращено в установленный факт путем включения статьи 'О главных причинах...' в *Избранные сочинения* Новикова, вышедшие в том же году⁷. Итак, 1951-й год – это год, в котором анонимная статья из *Московского издания* вдруг, совершенно бездоказательно, обрела свое авторство и была включена в общественное сознание. Поддержал идею Г.П. Макогоненко и такой крупный советский литературовед, как А.В. Западов. В 1968 году, в биографии Новикова, вышедшей массовым тиражом в серии *Жизнь замечательных людей*, он в частности писал:

После *Утреннего света* Новиков с января по декабрь 1781 года выпускал *Московское ежемесячное издание* – журнал, служивший его продолжением, но отличавшийся от *Утреннего света* включением статей по истории, географии и политике.

На страницах этого журнала нередко затрагивались вопросы современной действительности, нравоучения дополнялись критическими наблюдениями над окружающей жизнью. Автор статьи ‘О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук’ – очевидно, Н. И. Новиков – писал о том, что для развития наук необходимы устойчивое состояние политических учреждений, свобода мысли. Так, науки достигли успеха в республиканском Риме, но когда “последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благороднейший жар вдруг погас”.

О России в статье не говорилось ничего, но мысль читателя невольно обращалась к ней, встречая строки о том, что “нигде, где только рабство, хотя бы оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвести что-нибудь великое”⁸.

Предположение Г.П. Макогоненко настолько утвердилось в общественном и академическом сознании, что статью ‘О главных причинах...’ принялись включать – целиком или в извлечениях – в различного рода антологии и сборники (*Русские писатели о литературном труде* (1954), *История эстетики: памятники мировой эстетической мысли* (1962), *Русская философия второй половины XVIII века: Хрестоматия* (1990), *Масонство и русская культура* (1998) и проч.). Кроме того, эта статья сделалась предметом рассуждений и обобщений для многих литературоведов,

историков, философов, правоведов, педагогов, искусствоведов и психологов. И всюду Новиков почитается автором.

После публикации статьи из *Московского издания* в собрании сочинений Новикова, изданном довольно большим тиражом, вопрос о том, кто же есть истинный автор этой статьи, кажется, никогда с тех пор и не ставился. Между тем, как нам представляется, существуют все основания для того, чтобы усомниться в истинности утвердившегося положения.

Новиков не был автором статьи 'О главных причинах...'. Перед нами – перевод с французского...

II.

В 1762 году в Лондоне было напечатано анонимное сочинение под названием *Рассуждение о современном состоянии литературы в Европе (Considérations sur l'état présent de la littérature en Europe)*. Этот довольно объемный трактат состоял из 25 глав. Вторая глава его называлась так же, как и статья из *Московского издания* – 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук' ('Des causes générales qui contribuent à l'avancement des Arts et des Sciences'). Статья, помещенная на страницах новиковского издания, представляет собой полный перевод второй главы из французского анонимного сочинения. Кроме того, это перевод довольно точный, хотя и не вполне свободный от ошибок. Ср. начальные строки второй главы французского трактата и соответствующий фрагмент из *Московского издания*:

A la naissance du Monde, l'homme étoit tout occupé à chercher une modique subsistance, ou à défendre ses possessions contre la férocité des ours & des lions. Sans loix & sans aucune sorte de communication, il menoit une vie errante, craintive, incertaine, à peu près comme nos Sauvages dans les forêts de l'Amérique, ayant tout à craindre de l'avidité de ses semblables & de la cruauté des bêtes farouches⁹.

От самого начала мира человек единственно о том только старался, как бы иметь нужное себе пропитание или защитить свое владение от лютости медведей и львов. Не имея ни законов и никакого сообщения, он препровождал дни свои, скитался в страхе и грубости, и жил подобно диким, рассеянным по лесам американским, опасаясь всегда то жадности себе подобных, то свирепства диких зверей¹⁰.

Однако вначале зададимся вопросом: кто же является автором анонимного французского трактата? Появившись на свет, *Рассуждение о современном состоянии литературы в Европе* тотчас вызвало ряд журнальных откликов: во французских повременных изданиях 1762-3 годов было опубликовано, по меньшей мере, 5 рецензий, в которых подробно рассматривалось содержание анонимного трактата. В некоторых из них сведения об авторе отсутствовали, что вполне естественно, но в содержании журнала *L'Année Littéraire* за 1762 год после названия разбираемой книги следовала интригующая фраза "Par M. l'Abbé A....."¹¹. В другом же повременном издании - в *Энциклопедическом журнале* - имя автора называлось вполне - аббат Обри (Abbé Aubri)¹². Однако вскоре, в 1769 году вышел литературный справочник *La France littéraire*, в котором авторство аббата Обри опровергалось¹³. В качестве же истинного автора был назван французский философ Робине. Отчего именно Робине было приписано авторство *Рассуждения* в справочнике не пояснялось. Фактически все авторитетные французские словари, вышедшие с тех пор и включающие литературную справку о Робине, утверждают одно и то же: автором *Рассуждения о современном состоянии литературы в Европе* является Жан-Батист-Рене Робине (1735 - 1820). Кажется, что это мнение прочно утвердилось во французской библиографической литературе и перешло в научные представления

других стран. Впрочем, *Рассуждение* Робине – это труд, который редко становился предметом пристального внимания исследователей. Нынче же, если и вспоминают о *Рассуждении* Робине, то преимущественно в связи с сочинениями Дэвида Юма, переводчиком которых был французский вольнодумец¹⁴. Так, например, современный исследователь Мишель Малерб в своей статье о восприятии сочинений Д. Юма во Франции¹⁵ пишет, что Робине, автор *Рассуждения*, испытал несомненное влияние знаменитого шотландского философа и в качестве доказательства приводит положения из очерка 'Of the Rise and Progress of the Arts and Sciences'. По мнению исследователя, этот очерк Юма, входящий в книгу *Essays Moral and Political* (1742), имеет много общего с трактатом Робине. В частности, во второй главе (!) *Рассуждения* содержатся идеи, почерпнутые из указанного сочинения Юма. Закljučая наблюдение, посвященное взаимосвязи Робине и Юма, М. Малерб пишет:

Своеобразная рецепция Юма хотя и не являлась в строгом смысле академической, однако ж она принесла определенную пользу, поскольку так или иначе проводилось распространение идей Юма, пусть и путем повторений, добавлений и искажений; впрочем, в подобного рода рецепции есть и свой недостаток, поскольку комментаторы затрудняются до сих пор определить, что же принадлежит Юму, а что – Робине¹⁶.

Истинная правда! Провести границы интеллектуальной собственности между Юмом и Робине – задача чрезвычайно трудная и, кажется, неразрешимая. Дело в том, что *Рассуждение* Робине – это не оригинальное сочинение французского философа, как повсеместно и единодушно считалось до сих пор. Перед нами – перевод с английского...

III.

Просматривая описание *Рассуждения* Робине во французских библиографических справочниках, в частности, в *La France littéraire* (1769), мы

обнаружили загадочное указание, что это сочинение есть перевод с английского¹⁷. Однако конкретный источник при этом указан не был. Более того, на титульном листе французского *Рассуждения* отсутствовали какие-либо пометы или указания на переводной характер трактата. Поэтому сказать наверное, откуда возникло это указание – невозможно. Впрочем, не обошлось и без курьезов: в специальной работе, посвященной анализу философии Робине, немецкий исследователь Рейнхард Альберт писал, что *Рассуждение* Робине есть перевод из сочинений английской писательницы г-жи Шеридан¹⁸. Источник этой ошибки легко обнаруживается – дело в том, что Робине действительно переводил сочинения г-жи Шеридан, однако Р.Альберт очевидно смешал два библиографических описания, идущих подряд в биографическом словаре Л.Г. Мишо¹⁹.

Итак, были ли указания на переводной характер французского трактата помещены в *La France littéraire* (1769) на основании каких-то сведений, по ошибке или по иной какой причине – сейчас сказать уже невозможно. Как бы там ни было, французское *Рассуждение* – это и на самом деле перевод с английского²⁰. В ходе дополнительных разысканий нам удалось установить, что английским оригиналом, лежащим в основе *Рассуждения* Робине, является *Исследование о нынешнем состоянии изящной словесности в Европе* (*An Enquiry Into the Present State of Polite Learning in Europe*). Это исследование вышло анонимно в Лондоне в 1759 году, т.е. за три года до появления на свет французского *Рассуждения*, однако имя его автора стало доподлинно известно в самом скором времени. Через 15 лет английское *Исследование* вышло вторым пересмотренным изданием, на титульном листе которого было помещено имя автора – Оливер Голдсмит.

Как известно, *Исследование о нынешнем состоянии изящной словесности в Европе* является первым самостоятельным произведением Голдсмита, которое, как ни удивительно, и по сей день остается сочинением менее всего изученным. Вероятно, этим только и возможно объяснить такое количество загадок, которое

окружает *Исследование* Голдсмита. Впрочем, загадочный характер *Исследования* проявляется в полной мере лишь при сопоставлении английского подлинника и его французского варианта. Сравнительный же анализ английского *Исследования* и французского *Рассуждения*, выполненный основательно и подробно – это тема для отдельной статьи, хотя уже сейчас можно сделать некоторые существенные наблюдения.

Сходство между английским *Исследованием* и французским *Рассуждением* обнаруживается уже на уровне эпитафий. Так, *Исследование* Голдсмита снабжено двумя эпитафиями: греческим и латинским. Греческий эпитаф, источник которого ранее не был установлен английскими комментаторами, представляет собой сильно искаженную цитату из письма Аполлония Тианского: “Εμοί προς Φιλοσόφους ἐστὶ φίλῖα, προς μέντοι σοφιστάς ἢ γραμματιστάς ἢ τι τοιοῦτο γένος ἑτέρον ἀνθρώπων κακοδαμόνων οὔτε νυν ἐστὶ φίλῖα, μήτε ὕστερον ποτε γένοιτο”²¹. Второй же эпитаф взят Голдсмитом из латыни: “Tolerabile, si aedificia nostra diruerent aedificandi capaces” (источник не установлен). Во французском же *Рассуждении* Робине помещен только латинский эпитаф, а цитата из письма Аполлония Тианского выпущена.

Однако даже поверхностное сличение английского *Исследования* и французского *Рассуждения* позволяет заметить, что *Рассуждение* Робине не является в строгом смысле переводом *Исследования* Голдсмита. Прежде всего следует заметить, что французское *Рассуждение* более объемно и состоит из 25 глав, английское же *Исследование* – из 14 глав. Это впрочем объясняется тем, что при общности разбираемого материала разбивка глав во французском издании носит более продуманный характер. Так, например, пятая глава английского *Исследования* 1759 года называется ‘О нынешнем состоянии изящной словесности в Италии’ (Ch. V: ‘Of the present state of polite learning in Italy’), хотя название это и не отражает ее истинного содержания, поскольку сюда включен материал, посвященный литературе Германии, Голландии, Испании, Швеции и Дании. Во французском же *Рассуждении*

этот недостаток исправлен и рассмотрению литературы той или иной страны посвящена отдельная глава (Ch. VII: 'De l'état présent de la Littérature en Italie'; Ch. VIII: 'De la Littérature d'Allemagne'; Ch. IX: 'De la Hollande'; Ch. X: 'De l'Espagne'; Ch. XI: 'De la Suede'; Ch. XII: 'Du Dannemark'). Если же мы заглянем во второе издание английского *Исследования* (1774), то мы обнаружим, что в этом исправленном и пересмотренном издании разбивка глав отличается от первого издания 1759 года и названия глав в нем приведены в соответствие с французским *Рассуждением* (!). И вот здесь мы сталкиваемся с первой загадкой – Известны ли в истории литературы примеры того, чтобы тот или иной писатель при повторном издании своего сочинения пересматривал содержание своей книги, опираясь на предшествующий иностранный перевод? Возможно ли это?

Более того, вторая глава английского *Исследования* 1759 года, интересующая нас в связи с переводом в *Московском издании* Новикова, называлась 'Об упадке литературы древних' ('Of the decline of ancient learning'). Соответствующая же ей глава из французского *Рассуждения* Робине 1762 года называлась, как мы помним, 'О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук' ('Des causes générales qui contribuent à l'avancement des Arts et des Sciences'). Между тем, во втором издании *Исследования* первоначальное название главы убрано и вместо него помещено название, в значительной мере напоминающее французский вариант – 'О причинах, способствующих упадку литературы' ('The Causes which contribute to the decline of learning').

Учитывая сказанное выше, мы вынуждены заключить, что либо Голдсмит знал о существовании французского *Рассуждения* Робине, одобрительно встретил изменения, в нем содержащиеся, и потому принял во внимание эти изменения при последующем переиздании своего трактата, либо мы имеем дело с более глубокой тайной.

Вторая же загадка состоит в том, что французское *Рассуждение* Робине, как известно, вышло в Лондоне. Между тем, французский вольнодумец, смолodu покинувший родину и перебравшийся в Голландию по причинам интеллектуально-диссидентского свойства, все свои сочинения издавал преимущественно в Амстердаме. Выходит, что *Рассуждение*, изданное в Лондоне, является едва ли не единственным исключением. Этот факт также следует иметь в виду при чтении следующих наблюдений.

Заимствования Голдсмита из сочинений французских писателей (прежде всего, Вольтера и маркиза д'Аржанса) изучены довольно хорошо. Однако тема 'Голдсмит и Робине', кажется, до сих пор не рассматривалась и вообще не ставилась в зарубежном литературоведении. Причина же заключается в том, что французские исследователи не подозревали о существовании прямой взаимосвязи между *Рассуждением* Робине и *Исследованием* Голдсмита и всегда разбирали его отдельно от первоисточника, английские же исследователи в свою очередь не знали о существовании прямой взаимосвязи между *Исследованием* Голдсмита и *Рассуждением* Робине и потому не замечали парадоксов, возникающих только при сравнительном изучении этих двух сочинений.

Итак, французское *Рассуждение* Робине представляет собой значительно расширенный перевод английского *Исследования* Голдсмита, вышедшего тремя годами ранее. Между тем, нам неизвестно, чтобы Робине где-либо подтвердил или опроверг свое авторство относительно французского *Рассуждения*. Авторство Робине впервые указано в *La France littéraire* (1769), и сведения из этого издания впоследствии перешли во все авторитетные библиографические справочники, хотя какие-либо основания для подобной атрибуции нигде не приводятся. Да и самый факт выхода французского *Рассуждения* в Лондоне, а не в Амстердаме, где проживал Робине, заставляет иначе взглянуть на уже существующие данные. Все это и побудило нас к дальнейшим разысканиям.

Ключ к окончательному разрешению загадки мы нашли на страницах английского ученого журнала *Notes and Queries* за 1904 год. В октябрьском отделении этого издания было помещено в высшей степени примечательное сообщение, которое, похоже, выпало из поля зрения специалистов, занимавшихся изучением творчества Голдсмита. Приводим вполне эту короткую заметку²², автор которой укрылся за инициалами W.D.:

GOLDSMITH'S 'PRESENT STATE OF POLITE LEARNING'

- There is in my possession a manuscript book of Nathan Drake, once widely known by his essays on eighteenth-century literature. It consists partly of extracts from his favourite authors, partly of notes on their lives and bibliography. Amongst the latter I found a very curious reference to Goldsmith. It is to the effect that the poet, settling down to a literary life after his wandering abroad, composed the 'Enquiry into the Present State of Polite Learning,' in two languages, French and English; that he endeavoured unsuccessfully to get the former published abroad; but that after the issue of the English edition it was published in London in 1762, under the title 'Considérations sur l'État Présent de la Littérature en Europe.'

I have looked all through the British Museum Catalogue without finding any book with this title, nor have I ever met with any confirmation of this story in any biography of Goldsmith. I should be glad, at any rate, to know if such a French book exists, for it seems to me equally incredible either that Goldsmith should have written it in French, or that in 1762 a translator should have thought him worth translating. W.D.

Ниже помещаем русский перевод заметки:

‘ИССЛЕДОВАНИЕ О НЫНЕШНЕМ СОСТОЯНИИ ИЗЯЩНОЙ
СЛОВЕСНОСТИ’ ГОЛДСМИТА

- В моем распоряжении находится рукопись книги Натана Дрейка, который некогда славился своими эссеями о литературе восемнадцатого столетия. Книга эта отчасти состоит из отрывков, выбранных автором из сочинений своих любимых писателей, отчасти же из заметок биографического и библиографического характера. Среди последних я и обнаружил весьма любопытную историю, касающуюся Голдсмита. Суть ее в том, что Голдсмит, вступив на литературное поприще после скитаний по чужим краям, сочинил *Исследование о нынешнем состоянии изящной словесности* на двух языках, английском и французском; причем все попытки напечатать французский вариант за границей остались без успеха, однако в 1762 году после выхода на свет английского издания французский вариант все же был опубликован – он вышел в Лондоне под названием *Considérations sur l'État Présent de la Littérature en Europe*.

Я внимательно изучил весь каталог Британского Музея, однако ж книги с таким названием мне отыскать не удалось, как впрочем и все попытки обнаружить подтверждение этого рассказа в жизнеописании Голдсмита оказались напрасными. Во всяком случае, я буду чрезвычайно признателен за любые сведения о том, существует ли на самом деле эта французская книга. Лично мне кажется невероятным, чтобы Голдсмиту пришло на ум написать свое исследование по-французски, столь же невероятным кажется мне и то, что в 1762 году некий переводчик вздумал перевести сочинение никому неизвестного автора. [W.D.]

После письма читателя следовал редакционный ответ, в котором, между прочим, указывались выходные данные французского *Рассуждения*, а также сообщалось о том, что книга эта приписывается французскому вольнодумцу Робине,

который много переводил с английского. Однако присланные читателем сведения, извлеченные из неопубликованной книги Н. Дрейка (1766 – 1836), так и остались без внимания редакции.

Кажется, есть все основания доверять сведениям Н. Дрейка. На вымысел это нисколько не похоже. И если принять за истину предположение о том, что Голдсмит является автором не только английской, но и французской книги, все парадоксы и загадки, изложенные выше, тотчас получают свое объяснение.

IV.

Сравнение второй главы французского *Рассуждения* и соответствующей части английского *Исследования* показывает, что во французском варианте имеются фрагменты, отсутствующие в английском оригинале. Приведем один из таких фрагментов:

Les Anglois ont fait de grands progrès dans la Philosophie: je les attribue à cette fiere liberté de penser & d'écrire dont ils donnent l'exemple à l'Univers. Personne n'ignore que "Domitien fit mourir Metius Pompotianus, parce qu'il avoit chez lui une mappemonde & un recueil des harangues de Tite-Live. Personne n'ignore que quelques portraits, qu'Hermogene de Tarse a inférés dans son Histoire, lui couterent la vie." Par-tout où la servitude, même la plus légitime, retiendra l'ame comme en prison, il ne faut pas espérer qu'elle produise rien de grand²³.

В русском переводе из *Московского ежемесячного издания* этот отрывок представлен следующим образом:

Англичане великие оказали успехи в философии, причину тому полагаю я гордую вольность их мыслей и сочинений, которые могут быть примером целому свету.

Всякому известно, что “Домитиан умертвил Меция Помпониана за то, что он имел у себя общий чертеж света и сокращение Тита Ливия. Никому также небезызвестно, что Эрмоену Тарсискому некоторые внесенные им в его историю описания стоили жизни”. Да и нигде, где только рабство, хотя б оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвести что-нибудь великое²⁴.

Источником скрытой цитаты у Голдсмита (с неверно расставленными кавычками) является *Жизнь двенадцати цезарей* Светония. Ср. в современном русском переводе: “Меттий Помпузиан [был умерщвлен] – за то, что про него говорили, будто он имел императорский гороскоп и носил с собою чертеж всей земли на пергаменте и речи царей и вождей из Тита Ливия...”; “Гермогена Тарсийского за некоторые намеки в его *Истории* он [= Домициан] тоже убил...”²⁵.

Имея в виду французский текст, можно заключить, что Голдсмит, вероятно, пользовался трактатом аббата Ле-Муана д’Оржеваля *Considérations sur l’origine et le progrès des belles lettres chez les Romains, et les causes de leur decadence* (1750). В этом трактате цитата из Светония полностью совпадает с текстом, приведенным у Голдсмита²⁶. Творение французского аббата, по-видимому, можно отнести к одному из источников, которым пользовался Голдсмит при работе над своим сочинением.

Волею судеб случилось так, что *Исследование о нынешнем состоянии изящной словесности в Европе* стало первой и последней книгой Голдсмита. Незадолго до своей смерти он успел подготовить второе пересмотренное издание *Исследования*, однако до выхода трактата в свет автор не дожил всего несколько месяцев. Сверх того, и последним документом, принадлежащим перу Голдсмита, оказалась расписка, имеющая самое непосредственное отношение к *Исследованию*:

Received from Mr. James Dodsley for improving the second edition of my Polite Learning and putting my name to the same, the sum of five guineas, as witness my hand.²⁷

В заключение подведем краткий итог сказанному:

1. Статья в *Московском ежемесячном издании* (1781) Новикова представляет собой перевод второй главы из французского *Рассуждения* (1762), которое с 1776 года и по сей день приписывается французскому вольнодумцу Робине.
2. Аргументов в пользу авторства Робине обнаружить не удалось. Более того, французское *Рассуждение* вышло в Лондоне, между тем как сочинения свои Робине издавал преимущественно в Амстердаме.
3. Заметка, помещенная на страницах лондонского ученого журнала за 1904 год, позволяет допустить, что Голдсмит является автором не только английского *Исследования*, но и французского *Рассуждения*. Документальное подтверждение этим сведениям следует искать в английских архивах. Это задача для будущих исследователей.
4. Обнаружение раннего русского перевода из французского *Рассуждения* Голдсмита позволяет глубже понять самый перевод, а также внести соответствующие дополнения в обстоятельную библиографию Ю.Д. Левина²⁸.

В.И. СИМАНКОВ

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Николай Иванович Новиков, издатель журналов: 1769 – 1785 гг. Исследование А. Незеленова (СПб., 1875), с. 281.

² См., напр., работу С.С. Шашкова 'Фон-Визин и его время'. (Дело, № 8 (Август 1879), с. 255-6), в которой цитаты из статьи 'О главных причинах...' приводятся автором без упоминания работы А. Незеленова, без каких-либо ссылок на Московское издание и вообще без названия статьи, из которой заимствуются цитаты. Впрочем, работа эта, как и многие другие заметки С.С. Шашкова, носила компилятивный характер.

³ В. Боголюбов, Н.И. Новиков и его время (М., 1916), с. 283.

⁴ Г.В. Плеханов, Литература и эстетика, II (М., 1958), 101.

⁵ Г.П. Макогоненко, И.З. Серман, 'Новиков', История русской литературы, IV. Ч. 2 (М.-Л., 1947), 142.

⁶ Г.П. Макогоненко, Николай Новиков и русское просвещение XVIII века (М., 1951), с. 423.

⁷ Н.И. Новиков, Избранные сочинения, Подготовка текста, вступ. статья и комментарии Г.П. Макогоненко (М.-Л., 1951), с. 414 – 6.

⁸ А.В. Западов, Новиков (М., 1968), с. 139.

⁹ *Considérations sur l'état présent de la littérature en Europe* (L., 1762), p. 11.

¹⁰ Текст приводится по изданию: Н.И. Новиков. Избранные сочинения (М.-Л., 1951), с. 414.

¹¹ 'Considérations sur l'état présent de la littérature en Europe: Par M. l'Abbé A.....', *L'Année Littéraire*, V (Amsterdam, 1762), 357.

¹² 'Considérations sur l'état présent de la littérature en Europe. A Paris, chez Fournier, 1762, par M. l'Abbé Aubri', *Journal encyclopédique*, XIV (Juillet 1762), p. 7.

¹³ *La France littéraire*, II (Paris, 1769), 386.

¹⁴ 'Essais de morale ou recherches sur le principes de la morale', *Oeuvres philosophiques de Mr. D. Hume*, V (Amsterdam, 1760). (Принято считать, что именно Робине перевел *An Enquiry concerning the principles of morals* (1751) на французский язык, хотя на титульном листе его имя не значится)

¹⁵ M. Malherbe, 'Hume's Reception in France', в *The Reception of David Hume in Europe*, ed. P. Jones. ([s.l.], 2005), pp. 43-97.

¹⁶ Там же, p. 60.

¹⁷ *La France littéraire*, II (P., 1769), 386. Эти же сведения продублированы и в Некрологическом ежегоднике, вышедшем по смерти Робине: *Annuaire Necrologique*. Première Année (1820), rédigé et publié par A. Mahul (P., 1821), p. 194.

¹⁸ R. Albert, *Die Philosophie Robinets* ([Lpz.], 1903), s. 6.

¹⁹ *Biographie universelle, ancienne et moderne*, XXXVIII (Riche – Ror) (P., 1824), 264.

²⁰ Следует отметить, что Робине действительно много переводил с английского. В частности, ему приписывается перевод анонимного романа *The Irishman; Or, The Favourite of Fortune* (1772). С французского перевода Робине (1779) был выполнен, между прочим, и русский перевод, изданный иждивением Н.Новикова и Компании в 1782 г. См.: В.П. Степанов, 'Захаров И.С.', *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1. (Л., 1988), с. 328.

²¹ "Я в дружбе с философами, но ни с софистами, ни с грамматиками, ни с прочим подобным сбродом я дружбы не веду, да и в будущем не намерен." Перевод приводится по изданию: Флавий Филострат, *Жизнь Аполлония Тианского*, [Пер. Е.Г. Рабинович] (М., 1985), с. 198.

²² *Notes and Queries*. Tenth Series, II (July – December) (1904), 309.

²³ *Considérations sur l'état présent de la littérature en Europe*. (Londres, 1762), pp. 17-18.

²⁴ Текст приводится по изданию: Н.И. Новиков, *Избранные сочинения* (М.-Л., 1951), с. 416.

²⁵ Гай Светоний Транквилл, *Жизнь двенадцати цезарей*, [Пер. М.Л. Гаспарова](М., 1964), с. 215.

²⁶ *Considérations sur l'origine et le progrès des belles lettres chez les Romains, et les causes de leur decadence*, par Mr. L'Abbé Le Moine d'Orgival (Amsterdam, 1750), p. 85.

²⁷ J. Prior, *The Life of Oliver Goldsmith*, II (L., 1837), 509.

²⁸ Ю.Д. Левин, 'Библиография ранних русских переводов произведений Оливера Голдсмита (1763 – 1830)', *Русский язык*, № 2 (1994), с. 275-7. Пользуясь удобным случаем, добавим сюда же и повесть В.А. Жуковского 'Отставленный министр и нищий с деревянною ногою', опубликованную в *Вестнике Европы* за 1809 год (№ 23, с. 177-97). Перевод-посредник нами не установлен, однако не вызывает сомнений то, что указанная повесть Жуковского является распространенным переложением известного эссе О. Голдсмита 'On the distresses of the poor; Exemplified in the life of the private sentinel'. Этот очерк был впервые опубликован в журнале *British Magazine* (1760) и с некоторыми изменениями вошел впоследствии в собрание писем *Гражданин мира* (*Citizen of the World*, Letter CXIX).

BOOK REVIEWS

I.

S. A. Kozlov. *Putevye zapiski lu. F. Lisianskogo i I.F. Kruzenshterna 1793-1800: Predystoriia pervogo puteshestviia rossiian vokrug sveta*. Sankt-Peterburg: Istoricheskaiia illiustratsiia, 2007. 304 pp. ISBN 978-5-89566-068-3.

This book has two dedications. One is to the Empress Catherine II, in whose memory it was written. The other is to Lindsey Hughes. "We have considered it important and highly symbolic", Sergei Kozlov declares, 'to dedicate this publication, recounting graphic and unforgettable pages of Russo-British relations, to her blessed memory.' He thanks Isabel de Madariaga for her patronage of the publication, and a considerable range of colleagues both Russian and Western – for help and support of various kinds. Older members of the Study Group will have clear memories of the great difficulties inhibiting contacts in earlier years, making the more recent opportunities for collaboration all the more welcome.

The book begins with a substantial introduction entitled 'Sea voyages of Russian officers on British ships from the 1760s to the 1790s. On the way to the first round-the-world journey by Russians'. Of course, although some inhabitants of Arkhangel'sk might have disagreed, since they had been sailors for centuries, the traditional date for the foundation of the imperial navy is 1696, two years after Peter the Great first embarked on manoeuvres on the White Sea in the company of 'Rear Admiral' Patrick Gordon and others. As Lindsey Hughes emphasised at a celebration entitled 'Scotland and the Russian Fleet' organised by the Royal Society of Edinburgh in 1996, Peter had a passion for ships that pervaded his activities on dry land, too. She quoted with approval some observations of Evgenii Anisimov:

Why a ship? I think that to Peter it was not only a means of transport for freight across the water's surface? The ship – Peter's eternal love – was to him a *symbol* of a structure organised and calculated to the inch, the material embodiment of human thought, complex movement by the will of rational man. Furthermore, the ship for Peter was a peculiar model of the ideal society, the best form of organization relying on knowledge of the laws of nature in man's eternal struggle with the blind elements.

(See Lindsey Hughes, 'Peter the Great: A Passion for Ships', in Mark Cornwall and Murray Frame, *Scotland and the Slavs: Cultures in Contact, 1500-2000* (Oriental Research Partners and Dmitrij Bulanin Publishing House, Newtonville MA and Sankt-Peterburg, 2001), pp. 3-20.)

Catherine the Great was more of a landlubber. (Did she ever undertake a sea voyage?) Moreover, whatever other characteristics she shared with her predecessor, a profound belief in the 'ship of state' does not appear to have been one of them. On the other hand, partly because eighteenth-century history had moved on, she had a more complete world view than Peter, as demonstrated by her interest in comparative vocabularies, for example, as well as in global circumnavigation. And she certainly promoted the navy from the very beginning of her reign, asking George III for permission to send twenty young officers to England for training at the end of 1762. The Admiralty College instructed them to spend all their time afloat and to range widely, with no more than two of them to each vessel so that they would learn English more quickly. They visited many parts of the world ranging from South America to the East Indies. On their return, they drew on what they had learned at Chesme and other battles against the Turks. Careful preparations were made for the first global circumnavigation which was to be led by G.I. Mulovskii and joined by the natural scientists P.S. Pallas, I.G. Rudol'f and G.I. Forster, the last of whom had participated in Cook's second expedition of 1772-1775 and published his two-volume *A Voyage round the World* in London in 1777. Catherine ordered the Russian fleet which was

to consist of five ships to raise the Russian flag and coat-of-arms on any lands and islands not yet discovered by other European powers, and to bury 'a strong tar bottle' on them with an inscription in both Russian and Latin. The voyagers were to give a good impression of themselves, and to name any discoveries as they pleased. Sadly, having devoted three years to planning and preparation, Mulovskii perished in the battle against the Swedes off the Åland Islands in July 1789, and the expedition that he was to lead was abandoned.

However, among the fourteen young officers sent in a second wave of *stazhirovka* in October 1793 were two lieutenants, Iurii Lisianskii and Ivan Kruzenshtern, who were to enjoy greater success, partly because they already had some experience, having entered the Naval Cadet Corps in 1783 and 1785 respectively and seen action in battles on the Baltic, including the one in which Mulovskii lost his life. Quite possibly, Kruzenshtern in particular already entertained the idea of a round-the-world voyage. As he and Lisianskii were seconded to British service, both of them began to write journals, which comprise the major part of Kozlov's book.

Lisianskii's is the more expansive, partly because it was written in tandem with an active correspondence between himself and his brother Ananii, some of which was included in the journal. His first encounter with what was soon to be called the nation of shopkeepers was of persistent money-grubbing as he paid a guinea for his uniform in Hull and every step to London seemed to cost a shilling. But he was happier among new shipmates on board *L'Oiseau* captained by Robert Murray, with whom he enjoyed playing cards every evening. He thought himself in paradise rather than service as, with his brother officers, he knocked back not only wine but a whole ocean of rum, French 'vodka', gin and porter. However, of course, he was also interested in what the British thought about Catherine and her policies as well as all kinds of natural history and the *byt i nnavy* of the various peoples with which he came in contact.

Lisianskii was soon recording in technical detail a raid on Barcelona, the specification of British cannon and the telegraph announcing the arrival of ships in Halifax

harbour. At the beginning of 1795, he first set off from the port of on a visit to the West Indies, cured by the ministrations of Murray of the yellow fever from which he reckoned two-thirds of English troops sent there died. He was shocked in Antigua by the treatment of slaves in Antigua as if they were horses. Back in Halifax, Lisinskii transferred to an American merchant ship for a visit to the USA. A stay in New York was cut short by an outbreak of the plague, but he was there long enough to form the judgment that its stone buildings were up to the best European standards. He was even more impressed by Philadelphia, where he managed to obtain an audience with George Washington and was deeply impressed by the simplicity of the President's manner. As he moved on, he was less impressed with the southern states than with the northern, where everybody seemed to earn his own living by hand or brain.

Later voyages took Lisianskii even further across the oceans to Africa and India, China and Japan, of which he wrote with comparable, even greater colour. In contrast, the journal of Kruzenshtern was more laconic, faithfully recording positions, directions and climatic conditions. Their later careers were also marked by divergence. Lisianskii retired from naval service in 1809 with the rank of captain. His two-volume *Puteshestvie vokrug sveta...* was published in St. Petersburg in 1812 and an English translation, *A Voyage round the World....* – in London in 1814. The passage from this work concerning Lisianskii's visit to the USA quoted by A.G. Cross confirms that there is material in Kozlov's edition not to be found in *A Voyage*. (See A.G. Cross, "*By the Banks of the Thames*": *Russians in Eighteenth Century Britain*, Oriental Research Partners, Newtonville MA, 1980, pp. 170-2, for this quotation and a survey of the British episodes in the careers of both Lisianskii and Kruzenshtern.) Kruzenshtern was associated from 1811 to 1841 with the Naval Cadet Corps, of which he became Director in 1827, later receiving many orders as well as promotion to full Admiral. With an apt epigraph – 'Sailors write badly, but with due sincerity' – he also published an account his voyages in three volumes from 1809 to 1812. They were translated into several languages, including English in 1813.

Kruzenshtern's atlas of the South Pacific Ocean, later used as evidence for Russian claims on the Antarctic, came out in 1824.

Kozlov's work is accompanied by many excellent tables and illustrations, as well as a most useful chart of the Russian terminology for sails from *for-bom-bramsel* and *bom-kliver* to *kontr-bizan*'. Once again, he is to be congratulated on the scholarly presentation of sources that will be widely used.

Paul Dukes (University of Aberdeen)

II.

O.G. Ageeva, *Imperatorskii dvor Rossii 1700-1796 gody*, Moscow: Nauka, 2008. Pp. 380. Index. ISBN 978-5-02-035516-3.

Among the most obvious trends in Western scholarship over the past twenty years has been a drift away from the socio-economic research that preoccupied the majority of the historical profession in the 1960s and 1970s. And among the more unlikely beneficiaries of this return to politics and culture has been the history of monarchy in general and of royal Courts in particular. Once dismissed as an especially arcane branch of the antiquarian study of kings and queens, Court history is now informed by all manner of sophisticated cultural theories. Among Anglo-American scholars, the subject has spawned a flourishing Society for Court Studies (www.courtstudies.org), founded in the United Kingdom in 1995 and established in the USA three years later. The Society's bi-annual journal, *The Court Historian*, has already reached its fourteenth volume. Early-modern Courts have benefited more than most from this revival of interest, which has been just as prominent in France, Germany, Austria and Italy as it has in the Atlantic world. Indeed, one of the most important contributions of two early English-language collections – Ronald G. Asch and Adolf M. Birke, eds., *Princes, Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of*

the Modern Age, c. 1450-1650 (London: German Historical Institute London; Oxford: Oxford University Press, 1991) and John Adamson, ed., *The Princely Courts of Europe: Ritual, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500-1700* (London, Weidenfeld and Nicolson, 1999) – was to alert an Anglophone readership to the fruits of continental scholarship which has gone from strength to strength over the past decade.

Naturally enough, aspects of this burgeoning enterprise have already been reflected in the historiography of early-modern Russia, most notably in the work of P.V. Sedov, *Zakat moskovskogo tsarstva: Tsarskii dvor kontsa XVII veka* (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006) and, in a very different key, Richard S. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, 2 vols. (Princeton, Princeton University Press, NJ). Three contributions on Russian subjects in Michael Schaich, ed., *Monarchy and Religion: The Transformation of Royal Culture in Eighteenth-Century Europe* (London: German Historical Institute London; Oxford: Oxford University Press, 2007) have drawn, in turn, on a growing body of Russian-language scholarship on the cultural life of the eighteenth-century Court, including N.A. Ogarkova, *Tseremonii, prazdnestva, muzyka russkogo dvora* (St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2004). Conscious that the Court was in one sense a symbolic fiction to which foreign ambassadors were accredited, not least because ambassadors' accounts remain a revealing source of information for the historian, authors such as these have gone on to explore further overlapping definitions of the Court as a magnificent site for representational display (or rather a series of sites, since monarchs both great and small everywhere occupied a variety of both winter and summer palaces); as a social group, including, importantly and in some ways uniquely, elite members of both sexes; and as the political centre of the informal patronage networks on which eighteenth-century Russian government depended.

Until recently, however, all such enquiries have been hampered by the lack of a basic study of the Imperial Russian Court as a unit of jurisdiction comprising the offices responsible for governing not only those who resided in the imperial palaces, those present

when the ruler held court, and the Court's many and varied employees, but also its extensive landholdings. It was some indication of the need for such a study that N.E. Volkov, *Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoiashchem* (St Petersburg, 1900), a compilation of fundamental legislation first published in St Petersburg at the beginning of the twentieth century, should have been reprinted in Moscow 101 years later. Useful as it remains, however, this volume took no account of the massive archival legacy of individual service records, personnel lists, account books, and bureaucratic reforms that constitute the essential working materials of the history of any royal Court. K.S. Pisarenko offered one way round the problem in a characteristically imaginative attempt to trace the fluctuating fortunes of a wide range of courtiers and servants at the Court of Empress Elizabeth. Beneath its conversational tone, deliberately intended to attract a non-specialist readership, *Povsednevnaia zhizn' russkogo dvora v tsarstvovanie Elizavety Petrovny* (Moscow: Molodaia gvardiia, 2003) incorporates all manner of fascinating insights on diet, dress, disease and dissipation, all of them drawing on the author's enviable archival erudition. Yet although such a pointilliste approach yields real and often unexpected dividends in the attempt to recreate the life and workings of the Court, it cannot wholly compensate for the lack of a structural account of its organisational underpinnings.

O.G. Ageeva signalled her intention to meet this need with the publication of *Evropeizatsiia russkogo dvora, 1700-1796 gg.* (Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 2006), a 264-page monograph, issued between flimsy paperback covers in a minimal *tirazh* of 300, which falls into three parts. The first, longest, and most original section deals primarily with the reorganisation of the Court offices in the reign of Peter I and with the introduction of European titles for Court functionaries under his immediate successors. The second, more derivative, part covers Court ceremonial, with particular reference to the Imperial title, the coronation, and the birth of members of the imperial family. The third part outlines the secular festivals of Court life, ranging from the annual celebrations of the Guards Regiments and the various orders of chivalry to the balls and masquerades which

punctuated the secular Court calendar. The title of the book is nevertheless misleading, since very little of it is devoted to the second half of the eighteenth century, which is treated only fleetingly in the last two parts and ignored in the first.

The book under review – an elegantly produced hard-back, presumably issued in a larger print-run (no *tirazh* is given) – is in every way more substantial. The first of its two parts, which reprises in revised form a good deal of the information from the first section of the author's earlier book, is devoted to recurring attempts to reorganize the eighteenth Court, prompted partly by expansion, partly by financial disaster. This time, however, there is a substantial and rewarding chapter on the reigns of Peter III and Catherine II which gives, among other things, the first properly documented account of the crisis of 1786 (pp. 166-76). This part of the book covers not only the ceremonial and banqueting functions of the Court, but no less crucially the stables and the imperial hunt (the subject of a remarkable but unwieldy study by Nikolai Kutepov at the end of the old regime). It also offers an important discussion of the management of Court estates. The second part of the book contains chapters on the various social groups at court, beginning with the elite cavaliers, continuing with the top female courtiers and the middle-ranking males, and culminating in a particularly interesting study of the servants.

Copious factual information of this sort confronts the historian with serious problems of presentation and it cannot be denied that Ageeva's style occasionally veers towards the lumpy. The four tables, tracing staffing developments across the whole century, are especially effective. Extra analytical sharpness might have been achieved by a comparative analysis of the kind attempted by Jeroen Duindam, *Vienna and Versailles: The Courts of Europe's Dynastic Rivals, 1550-1780* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003). However, Ageeva's only reference to Western scholarship [p. 5, n.6] is to the Russian translation of Norbert Elias's classic work of sociology, *The Court Society – Pridvornoe obshchestvo: Issledovanie po sotsiologii korolia i pridvornoj aristokratii, s Vvedeniem: Sotsiologiya i istoriya* (Moscow: 2002) – a reductionist thesis, first published in

1969, but largely dating from the 1920s, which has been one of the principal targets of the recent generation of Court historians. This may be one reason why the basic analytical thrust of her book seems misplaced. She is especially keen to show that, despite the Europeanization of the titles of Court offices and ranks, mostly in the 1730s, no single European Court was taken as a model (the range of reference was much wider than other some previous authors have been tempted to suppose), and 'Europe' was not always the obvious reference point for change. As a result, Russia acquired 'its own distinctive [*osobyi*] European variant of Court ranks, compatible with Russian traditions, and the particular circumstances of the old Muscovite palace economy and also of the political passions, boiling around the throne' (p. 358). Those more familiar with developments elsewhere in Europe might have been inclined instead to emphasise how the Muscovite Court itself fitted naturally into a wider and by no means monolithic European pattern. Whereas itinerant medieval princely households had everywhere settled at a permanent dwelling place (*Residenz*) by 1700, the transformation took place in different ways and at different speeds, and even as more or less regular institutions formed around departments responsible for ceremonial, banqueting, the stables and the hunt, Courts remained complex social organisms, following their peripatetic monarchs to a range of summer and winter palaces, sometimes for whole seasons, but often for only days at a time.

However, it would be absurd to expect the first book on such a vast subject to offer the last word. By far the greatest of Ageeva's achievements is to present the reader with a vast amount of detailed evidence on every important aspect of the Court's organisation and personnel. Much of this information is given here for the first time, all of it marshalled into clearly organised sections complemented by a useful index of names. All of us interested in early-modern European monarchy, and in the Russian Court in particular, are very much in her debt.

Simon Dixon (University College London)

Patrick Gordon's Diary: Recent Conference and Publication

Although the eighteenth century would have to be elongated to an unprecedented extent to include them both comprehensively, two new publications have some relevance to the discussion of one of the most significant questions of Russian history, the extent to which the way was prepared for the reforms of Peter the Great before his return from the Great Embassy.

The first of them is Volume 1 of the Diary of Patrick Gordon of Auchleuchries, the beginning of a project that has experienced forty years of ups and downs before coming to fruition. A meeting at Aberdeen University on 7-8 May discussed vol. 1 along with vols. 2 and 3 already translated into Russian by Dmitry Fedosov and published by Nauka. Fedosov is the editor of the work in translation and in the original, vols. 1-4 of which should be published by the end of 2010.

Readers might be interested to know of the proceedings of the meeting, which will be published later in 2009.

THE DIARY OF PATRICK GORDON, AND ITS CONTEXT

7 MAY THE DIARY

Tour of Old Aberdeen I went & see the Colledge in the Old Towne, and was very well received, and showed all worth the seeing there. 7 July 1686

Papers by Paul Bushkovitch, 'Patrick Gordon and Russian Court Politics'; Dmitry Fedosov, 'Treasure Appreciated at Last: Gordon's Chronicle and Its Publication';

Mikhail Ryzhenkov, 'Description of the Manuscript'; Oleg Nozdrin, 'The Descendants of Patrick Gordon'; Waldemar Kowalski, 'Patrick Gordon in His Own Words: a Soldier, a Scot, a Catholic', with comments from Robert Frost and Karin Friedrich.

8 MAY THE CONTEXT

Christoph Witzernath, 'Cossacks in Siberia, with special reference to John E. Wills, 1688: A Global History, London, 2001, p. 99: "The greatest geopolitical transformation of the world of the seventeenth century was the explosive expansion of Russian trade and settlement across Siberia"; Steve Murdoch, 'The Scottish Diaspora in Maritime Warfare in the 17 and 18cc: Russia in the Baltic Context'; Dmitry Fedosov and Oleg Nozdrin, 'Lion Rampant to Double Eagle: Scots in Russia, 1500-1700', a prosopography composed with a grant from the Royal Society of Edinburgh'; Paul Dukes, 'Russia and the General Crisis of the Seventeenth Century Revisited'.

Visit to Town Archive *'I was invited to a collation by the Lord-Provost and magistrates, where with my ffriends I was heartily entertained, and all my relations who were there made burgesses. ' 8 July 1686*

Here are the publication details.

The Diary of General Patrick Gordon of Auchleuchries, 1635-1699. Volume 1: 1635-1659, edited by Dmitry Fedosov with a Foreword by Paul Dukes, published by the AHRC Centre for Irish and Scottish Studies, University of Aberdeen, accessible via website. Here is the blurb: The great Russian historian, S.M. Soloviev, regarded Patrick Gordon as "one of the most remarkable men" ever employed by the tsars, and was grateful to him for "recording his adventures and existence day by day, leaving to us curious tidings of himself, of his brothers in arms, and of Russia before the age of transformation" – and much else besides. Passages from the Diary were published in 1859. Now, 150 years on, the appearance of the first of six volumes marks the beginning of the publication of the complete work. In Volume I, Gordon writes of his early life near Ellon, Aberdeenshire, and of his military apprenticeship in the armies of Sweden and Poland, with colourful descriptions of people (including many fellow Scots), places and events.

Here are the details of the second publication.

Paul Dukes, Graeme P. Herd and Jarmo Kotilaine, *Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of a Special Relationship*, Dundee University Press. Here is the blurb: The Stuarts and

the Romanovs are two of the most famous dynasties in history. While there have been many books about both, this is the first to discuss a full range of contacts between them. *Stuarts and Romanovs* throws fresh light on both dynasties and encourages comparisons, especially concerning their attempts to establish variants of absolutist government within the framework of international relations. The book combines the study of revolutions in commerce, diplomacy and war in the context of relations between Britain and Europe throughout the seventeenth century. The vital trade statistics and shifts in emphasis are set out comprehensively, including an Atlantic dimension. A full account is given of the evolving diplomatic interchanges between the two dynasties, and the connections between hostilities in Western and Eastern Europe during this period are also flagged up. Throughout there are illustrative anecdotes and engaging 'pen portraits' of the people and places involved.

Paul Dukes (University of Aberdeen)

'Put' Petra Velikogo' and the Proposed 'Institut Petra Velikogo'

At the end of May I was invited to attend an international congress entitled 'Petr Velikii i goroda' and held in the Peter and Paul Fortress in St Petersburg. The congress was part of an ambitious project entitled 'Put' Petra Velikogo', masterminded by the Fond Likhacheva, that envisages the establishment of an institute for Petrine Studies. What follows are documents received at my request from the organizers of the project with a view to acquainting the readership of the *Newsletter* with this striking initiative (Anthony Cross)

ПУТЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
РОССИЙСКАЯ ПРОГРАММА

Программа «Путь Петра Великого»

Российская программа «Путь Петра Великого» инициирована Фондом имени Дмитрия Лихачева (Санкт-Петербург).

Цель программы – содействие культурной интеграции больших и малых российских городов, которые обязаны Петру I своим основанием или исторически связаны с его деятельностью. Программа поддержана Правительством Санкт-Петербурга и Президентом Российской Федерации.

Имя и деяния Петра I наполнены глубоким историческим смыслом для государственника и патриота. Петр I заложил все основные формы государственности, в которых Россия развивается и сегодня. В начале XXI века определяющее значение приобретает гуманитарная, просветительская составляющая деятельности Петра, принципиальный выбор для страны новой социокультурной модели.

Вслед за Санкт-Петербургом Петр основал более 50 больших и малых городов: Петрозаводск, Омск, Екатеринбург, Нижний Тагил, Пермь, Таганрог, Новая Ладога, Вышний Волочек и другие. Многие более старые русские города оказались тесно связанными с его неумной созидательной деятельностью: Архангельск, Астрахань, Воронеж, Старая Русса, Переславль, Воронеж, Азов. Все эти города по праву можно назвать петровскими, поскольку их историческая самоидентификация связана с фигурой Петра I и его сподвижников. Это открывает новые перспективные возможности для гуманитарной интеграции российских территорий.

Петровские города есть не только в России. Петр много ездил по Европе. Только Великое посольство побывало в десятках европейских городов. Петр вывез в Европу сотни русских людей – дипломатов, инженеров, военных, кораблестроителей. Историческая память об этих визитах сохранилась во многих городах. Там есть музеи, памятники, мемориальные доски, произведения искусства, посвященные Петру. Это позволяет расширить связи России и Европы.

Программа «Путь Петра Великого» носит комплексный характер и включает мероприятия культурно-просветительского, научного и информационного характера. Центральным событием программы в 2009 году является Конгресс петровских городов.

Цель конгресса - содействовать укреплению исторической и культурной общности петровских городов, дать старт широкому общероссийскому культурному, образовательному и научному процессу, направленному на изучение и осмысление деятельности Петра Великого, на усиление его исторического авторитета.

Международный конгресс петровских городов

28–30 мая в Санкт-Петербурге проходил Международный конгресс петровских городов, который стал ключевым событием российской программы «Путь Петра Великого».

Конгресс открылся в четверг 28 мая в Государственном музее истории Санкт-Петербурга. На Конгресс собрались более двухсот человек из тридцати регионов страны, более чем полусотни городов, а также гости из десяти петровских городов Европы. Из петровских регионов России были приглашены руководители администраций, чиновники, занимающие высокие посты в сфере культуры, музейный работники, библиотекари, историки, краеведы.

Приветствие участникам конгресса направил Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев. Пленарное заседание в атриуме Комендантского дома Петропавловской крепости открыла вице-губернатор Санкт-Петербурга Алла Манилова. На открытии Конгресса выступили писатель Даниил Гранин, директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский, директор Фонда Лихачева Александр Кобак, научный руководитель программы «Путь Петра Великого» профессор Евгений Анисимов, профессор Кембриджского университета Энтони Кросс и другие.

Делегаты Конгресса приняли участие в церемонии полуденного выстрела из пушки с Нарышкина бастиона Петропавловской крепости, посетили могилу Петра Великого в Петропавловском соборе.

Во второй день работа конгресса была разделена на пять тематических секций:

- Петровская идея в русской истории и культуре
- Петровские города — проблемы и перспективы изучения
- Петровские памятники истории и культуры — охрана, реставрация, использование
- Петровское судостроение и судоходство
- Европейские путешествия Петра

За два дня на пленарных и секционных заседаниях прозвучало более шестидесяти интереснейших докладов участников из России, Австрии, Бельгии, Великобритании, Нидерландов, Италии и Франции; обсуждались проблемы и перспективы составления Всероссийского свода памятников петровской эпохи, была обнародована и поддержана участниками Конгресса идея писателя Даниила Гранина о создании в Петербурге Института Петра Великого.

ИНСТИТУТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Институт Петра Великого учрежден в рамках программы «Путь Петра Великого» под эгидой Правительства Санкт-Петербурга.

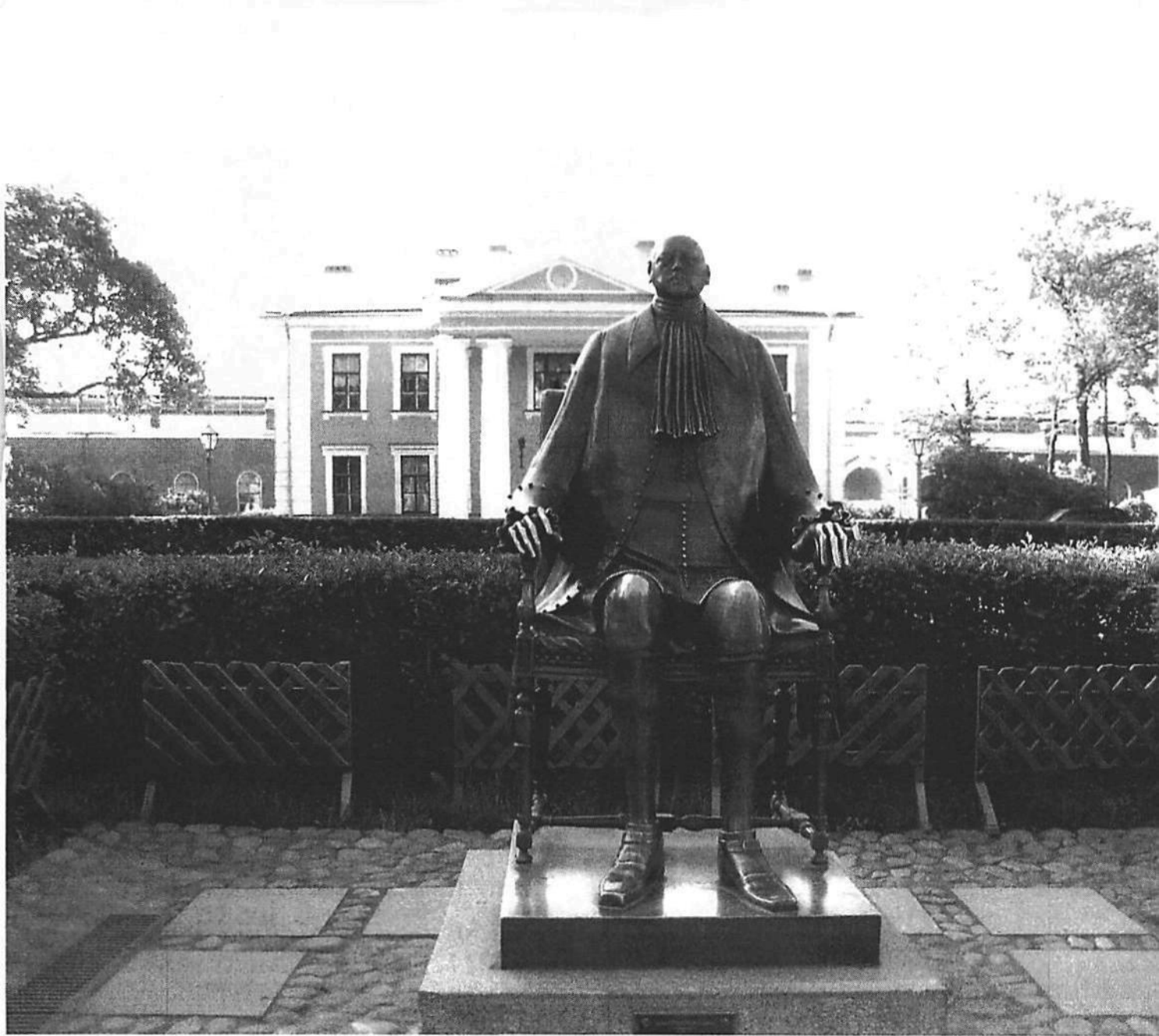
Институт Петра Великого – научно-просветительское учреждение. Его миссия – содействие изучению и продвижению в сферах культуры, образования,

гуманитарных наук наследия Петра Великого, воплотившегося в его государственной, военной и культурной деятельности.

Задачи Института - разработка и реализация научно-просветительских программ, направленных на изучение и пропаганду петровского наследия; содействие культурной интеграции петровских городов России и Европы.

Основные направления деятельности на 2009-2011 годы:

- Проведение ежегодных тематических Конгрессов петровских городов
- Разработка и проведение ежегодного церемониала в день рождения Петра Великого (9 июня)
- Издание книги «Гербы петровских городов»
- Организация международного проекта «По следам Великого Посольства»
- Публикация писем и бумаг Петра Великого; издание фундаментальных трудов, посвященных деятельности Петра
- Создание подневной летописи жизни Петра I
- Создание и издание Свода мемориальных и исторических памятников России и Европы, связанных с деятельностью Петра Великого и его сподвижников
- Создание и издание Свода музейных памятников России, связанных с деятельностью Петра Великого и его подвижников

Editor's Valedictory

This is the thirty-seventh and last issue of the *Newsletter* that I shall edit (the last seven, since 2003, with my co-editor Alessandra Tosi, without whose input it would have been difficult to cope, particularly over the years since my retirement). It includes synopses of the fiftieth meeting of the Study Group, which seems a very appropriate time to say farewell and to hand over the reins to a very worthy and distinguished successor, Simon Dixon, who will inevitably and rightly, but with his usual tact, make changes and improvements.

It is hard to think that more than forty years have passed since founder members of the Group and visiting scholars met for the first time at the University of Nottingham. The initial membership of the Group was twenty and had grown to over fifty by the time it was decided that we should try to establish a more permanent record of our meetings and a forum for notes, reviews, bibliographies and other such items to replace the typed synopses I had distributed from the fifth meeting. Synopses of the tenth and eleventh meetings were the first to appear within the covers of what has become known as the *SGEARN* or in Russia as the *golubaia tetradka*. Although the actual page size may not have pleased librarians over the years, I was and am very happy with both the design and colour of the cover which was produced in happy cooperation with the design and printing department at the University of East Anglia from 1968 until 1981, when I removed to Leeds. The quality of both production and contents has grown considerably with the years but from the very beginning the *Newsletter* has contained much of real and lasting scholarly value, despite the initial decision not to include full-length articles (a policy only abandoned in the last few years). The *Newsletter* has become essential reading for anyone and everyone interested in any aspect of eighteenth-century Russia. The Group's individual membership, although inevitably fluctuating over the years, is well over 100 and the *tirazh* is an average 250 copies. Sadly, back numbers, apart from the most recent years, are no longer available and

there are only a limited number of libraries possessing a full set – not surprisingly, given the original print run was fifty (when the annual subscription was 60p).

Perhaps the most heartening aspect of the whole enterprise has been the close bonds of friendship and mutual support the Group has fostered among scholars, very rapidly widening its appeal, not least through its *Newsletter*, beyond the United Kingdom and attracting to its membership and to attendance at its annual meetings scholars from Italy (first among equals), Germany, Holland, Belgium, France, Poland, Bulgaria, USA, Canada, and, of course, Russia. The Group has never been a gathering of nonentities but of luminaries with an unusual sense of loyalty. I look at the list of scholars who gave papers at the earliest meetings of the Group, when the practice was to move around universities (sometimes twice a year), and it includes Paul Dukes, Charles Drage, Gareth Jones, Isabel de Madariaga, Will Ryan and Roger Bartlett (and myself!). It is truly remarkable that all these scholars will be giving papers or chairing sessions at the Group's eighth international conference at the University of Durham in July this year.

Over the years distinguished members have died, notably John Simmons, who attended the first meeting and who provided a typically wonderful index to the first twenty-five issues of the *Newsletter* in 1998, Barry Hollingsworth, an outstanding scholar who also attended all the early meetings and was tragically cut off at the height of his powers, and, of course, most recently Lindsey Hughes, whose devotion to the cause was immense and long-standing and whose loss cannot be measured. Their obituaries and those of many other dear and near colleagues have appeared in the *Newsletter*.

The Study Group and the *Newsletter* are much beholden to its Treasurers, of whom there have, incredibly, been only two over the forty plus years. My colleague at the University of East Anglia, Robin Lucas, shouldered the burden until 1981 and since then Patrick O'Meara has magisterially kept us afloat – and if that were not enough, took on the organization of the Durham conference.

The international conferences which began in East Anglia back in 1977 have always produced their own published Proceedings, some selective, some gigantic, and are a permanent record not only of scholarly endeavour in the long eighteenth century but also of the participation of a large number of scholars, immortally captured in the group photographs. There are a remarkable number of people who have participated in perhaps six, seven, and in several cases, all eight events. The photographs deserve your attention, but there are no prizes for recognizing who, where, and when. At the same time, we are indebted to non-UK members for the organization of wonderful conferences in Bloomington, Gargnano, Leiden and Wittenberg. In addition to the Gargnano conference, Maria Di Salvo (on two occasions with Lindsey) organized three workshops in Gargnano, Gazzada and Ravenna (in memory of Lindsey) that gave rise to their own publications

From the very beginning the Group sought to provide an ambience in which graduate students could feel at ease and present papers based on their doctoral research and benefit from the advice and help of more senior scholars. This aspect has, I think, been supremely successful. It is in the *Newsletter* that some indeed have achieved their first publication. It is of course to the *mladoe plemia* that we look for the continuing flourishing, indeed, very existence of the Group and of the *Newsletter*. It is due to the efforts of one such, Paul Keenan, that the Group now boasts its own website: Paul has already produced a list of contents of the *Newsletter*.

In my very first editorial back in 1973 (when I was as young as Paul!), I wrote that the Study Group's "aim is to promote interest and research in the eighteenth century in Russia and to provide a forum for the reading and discussion of all facets of eighteenth-century Russian culture". I think it has largely succeeded. Perhaps immodestly, I might therefore finish with words that are not mine but those of John Simmons, referring, a decade ago, to the contributions made to the *Newsletter* by my faithful *soratiniki*, whose cooperation "has shown that a shoestring operation can support an enterprise which

deserves (and receives) the respect of the community of learning wherever Russian eighteenth-century history and culture are the objects of study”.

Tony Cross

EDITORS' POSTBAG

CHANGE OF EDITORSHIP

We are delighted that the editorship of the *Newsletter* will now pass to Simon Dixon in whose capable hands we are sure it will continue to flourish. Contributions for the *Newsletter* should therefore be addressed henceforth to:

Professor Simon Dixon,
Sir Bernard Pares Professor of Russian History
School of Slavonic and East European Studies
University College London
Gower St
London WC1E 6BT

s.dixon@ssees.ucl.ac.uk

NEXT MEETING OF STUDY GROUP

The next UK meeting of the Study Group will take place from Monday 4 to Wednesday 7 January 2010 at the High Leigh Conference Centre, Hoddesdon.

The organizer wishes to receive proposals for papers at the meeting on any topic in any discipline related to the 'long' eighteenth century in Russia and the Russian Empire. The format of meetings allows a generous 45-50 minutes per paper (although shorter reports are also welcome) and provides an excellent opportunity for discussion and feedback from an international audience. The languages are English and Russian. Synopses of papers are published after the conference in the Group's *Newsletter*. We particularly welcome postgraduate students, for whom we have a limited number of free or subsidized places.

High Leigh Conference Centre is easily reached by road or train from London (20 minutes

from Liverpool Street Station) or from Stanstead Airport.

Registration forms and further information will be mailed to members in the UK and Europe in November, with an electronic version circulated via our e-mail list for those further afield. Please send offers of papers and enquiries to Dr Erin McBurney: eem34@columbia.edu

PUBLICATIONS

Eliza Malek, *Razyskaniia po russkoi literature XVII-XVIII vv. Zabytye i maloizuchennye proizvedeniia* (Spb.: Bulanin, 2008). 399 pp. ISBN 978-5-86007-605-1

Paul Dukes, Graeme Herd, Jarmo Kotilaine, *Stuarts and Romanovs: The Rise and Fall of a Special Relationship* (Dundee: Dundee University Press, 2009), 256pp. (Pbk). ISBN 9781845860554

Stefan Lemny, *Les Cantemir: L'aventure européenne d'une famille princière au XVIIIe siècle* (Paris: Editions Complexe, 2009), 320pp. ISBN 9782804801700

Simon Dixon, *Catherine the Great* (London: Profile Books and New York: Harper Collins, 2009), xv, 432pp. ISBN: 9780060786274

D. Iu. Guzevich, I.D. Guzevich, *Pervoe evropeiskoe puteshestvie tsaria Petra: analiticheskaia bibliografiia za tri stoletii: 1697-2006* (Spb.: Feniks, Dmitrii Bulanin, 2008), 912pp. ISBN: 9785860075825

D. Iu. Guzevich, I.D. Guzevich, *Velikoe posol'stvo: rubezh epokh, ili nachalo puti: 1697-1698* (Spb.: Dmitrii Bulanin, 2008), 696pp. ISBN: 9785860076075